

A black and white close-up portrait of an elderly man with glasses, wearing a suit and tie. The image is framed with a white border that curves at the bottom. In the top right corner, there is a circular badge with the text "16+".

16+

МАКСИМ ЗВЕРЕВ

Займка в бору

Автобиографическая повесть

Максим Зверев

Заимка в бору

«ЛитРес: Самиздат»

1975

Зверев М. Д.

Заимка в бору / М. Д. Зверев — «ЛитРес: Самиздат», 1975

«Заимка в бору» – это автобиографическая повесть учёного зоопсихолога, известного писателя-натуралиста, участника трех войн, внесшего огромный вклад в науку и охрану живой природы Сибири и Казахстана, Максима Дмитриевича Зверева. Книга несёт в себе историческую ценность, а также мудрое повествование о том, как следовать своему призванию, несмотря на внешние обстоятельства. На страницах этой повести читатель побывает свидетелем исторических событий смены царского строя, революцию в России, гражданскую войну, первую и вторую мировые войны. Для исследователей жизни будет интересен путь становления учёного с самого раннего его детства, когда только зарождались любовь и интерес к тайнам живой природы, до человека большого масштаба и ума. Максим Зверев также известен своим творческим и физическим долголетием - он прожил 99 лет в полном здравии. Он являлся лауреатом многочисленных государственных премий, издал тысячи научных трудов и более 150 художественных книг о природе.

Содержание

ДЕТСТВО	5
НА БЕРЕГАХ ОБИ	6
ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ПИСАТЬ	12
СТАРИНЫ ДАЛЕКОЙ ОЧЕВИДЕЦ	21
НАЧАЛО ВОЙНЫ	26
ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК	33
Юность	36
ФУРАЖКА ЛЕСНИЧЕГО	36
НАЧАЛО БОЛЬШИХ СОБЫТИЙ	43
В ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Максим Зверев

Займка в бору

ДЕТСТВО

Что это? Теплой пахнуло весной,
Зайцы попрятались, снег почернел,
И на прогалинах с бурой травой
Ветренник первый зацвел, запестрел.
Первые птички в лесу зазвенели...
Мальчику снится: во двор он глядит.
Видит – скворцы прилетели!
Папу обрадовать мальчик спешит...

Н. Ефратов «Посвящается Максиму Звереву.
Жури. «Псовая и ружейная охота». М 3, 1903 год

НА БЕРЕГАХ ОБИ

В самом начале двадцатого века наша семья жила на займке¹ около Барнаула. Домик летнего типа был окружен березовым лесом. Там было много грибов и земляники. Напротив, через овраг, шумел бор купца Куратова. Аромат сосен ветерок приносил на веранду. С нее открывалась даль заливных лугов Оби. Величавая спокойная река текла около самого соснового леса, который тянулся вдоль крутого левого берега. Басистые гудки белоснежных пассажирских пароходов будили тишину над зеркальной водой. Трудяги колесные буксиры тащили баржи. Плоты с алтайским лесом медленно плыли по течению и громко поскрипывали. Плотовщики вдвоем ворочали длинными веслами, удерживая плот на фарватере.

Рано утром и вечером из-за реки доносился хор птичьих голосов – кукование, крики коростелей, пение соловьев, овсянок-дубровников и множества других птиц. На берегу у нас находилась лодка, опрокинутая вверх дном, с веслами под ней. Занятия у отца в статистическом бюро были с девяти до трех, как во всех учреждениях в то время, а у мамы – два часа фельдшерской работы в детском приюте. Летом до темноты был «второй день». Мы переезжали на правый берег реки. Я и мать удили, а отец с ружьем бродил по лугам.

Нашим питомником родители с увлечением занимались после работы и в праздники. Впервые в Барнауле отец завел парники и к Пасхе выращивал огурцы. Это было сенсацией для всего города в те годы. Первые пудовые арбузы «любимец хутора Пятигорска», помидоры, спаржа, цветная капуста, баклажаны – все это было новинкой для Барнаула. Огородничество велось по самым передовым научным методам, хотя у соседей вызывало удивление это, как они называли, «чужачество» отца. Припоминается такой случай. Земля на огороде была сильно заражена проволочными червями. Копать ее лопатами нанимали двух женщин. Каждой вручалась банка, в нее и бросали обнаруженных червей. Не помню, по какой цене за десяток, но женщины получали дополнительно «вторую зарплату» и уходили домой очень довольные. Кончалось все это тем, что мама кричала:

– Цып-цып-цып!

Прибегали куры и в драку склевывали «драгоценных» червей. Там, где были удалены проволочники, урожай получался великолепный, а у соседей – намного меньше.

У нас на займке были две лошади. Как-то в воскресенье отец решил искупать их в Оби. Лошади были смиренные, и отец посадил меня на одну из них без седла.

До берега реки мы ехали рядом, не торопясь. Отец рассказывал о реальном училище, куда мне надо было поступать осенью. Купал лошадей отец, а я стоял на берегу и по очереди держал их в поводу.

По дороге на займку со мной случилась неприятность. Мы встретили соседа. Он шел купаться с полотенцем на плече. Отец остановился и заговорил с ним. Моя лошадь наклонилась за травой, а я крепко вцепился обеими руками в поводья. За них лошадь потянула меня вниз, и я сполз по шее чуть ли ей не на голову. Смирная лошадь не обратила никакого внимания, что всадник восседает у нее не на спине, а на голове, и продолжала щипать траву. Я ткнулся головой в землю, а козырек от картузика² больно врезался мне в лоб. Тут я не выдержал и заревел, обливаясь слезами.

Отец обернулся, соскочил с коня и поднял меня. Конечно, дома ему попало от мамы.

¹ Займка – в старину: земельный участок, занятый кем-нибудь по праву первого владения, обычно вдали от других пахотных земель; теперь в Сибири – название некоторых небольших посёлков (*примечание редактора*)

² Картузик от слова Картуз – мужской головной убор с жёстким козырьком, неформенная фуражка (*примечание редактора*)

Купание на Оби мать разрешала мне только в ее присутствии. Она терпеливо сидела на берегу, ждала и не позволяла мне купаться с соседскими ребятами до «гусиной кожи». Но отец воспротивился:

– Парень собирается осенью поступать в первый класс, а ты его за руку купаться водишь. Это никуда не годится!

Родители поспорили. Но после этого на реку я бегал без мамы вместе с ребятами из соседних заимок. Мать дома не находила себе места, пока я не возвращался.

Однажды мы с ребятами рыбачили, засучив штаны и забравшись поглубже в воду. Я внешне ничем не отличался от сверстников – загорелый, без картуза, перепачканный, как и все, во время азартной рыбной ловли. У меня было новое бамбуковое удилище.

К нам подошел хорошо одетый мужчина в соломенной шляпе, белом чесучовом пиджаке и с пенсне на носу.

– Мальчики, дайте кто-нибудь удилище, я попробую порыбачить, никогда не приходилось?

Сын кучера Степа и я враз протянули свои удилища. Мужчина взял мое. Мы присели на песок и тихонько посмеивались над ним за неумелое забрасывание и зевки поклевки. Вот опять поплавок исчез под водой. Степа не выдержал:

– Дяденька, тащи!

Надо было видеть, как обрадовался наш рыболов, когда на берегу запрыгал крупный чебак! Он бережно завернул его в носовой платок и положил в карман, который сразу же промок.

– Возьми, мальчик! – сказал он, подал мне удилище и десятикопеечную монетку.

С гривенником в кулаке я, запыхавшись, побежал на заимку. Следом за мной бежал Степа и канючил:

– Отдай половину, вместе рыбачили!

Но мать погасила мою радость, как из ведра холодной водой окатила: она отдала гривенник Степе и прочитала мне длинную нотацию: я должен был отказаться от денег, и заслуга моя невелика – дать позабавиться кому-то десять минут моим удилищем. А я слушал и думал о том, как Степка уже покупает леденцы в лавке...

Гривенник не поссорил нас. Мы долго дружили, выросли, но мировая война четырнадцатого года разлучила нас: меня, московского студента, и Степана, наборщика типографии. Погиб он после войны нелепо— пошел в бор за грибами, заблудился, да так и не был найден.

У берега Оби в ожидании разгрузки стояли плоты. Значительно ниже по течению реки рабочие лошадьми вытаскивали бревна с плотов – со свистом, гиканьем и криками. А около нашего берега стояла знойная тишина летнего полдня. Пахло размокшей корой, смолеными канатами и сырым песком. С заливных лугов противоположного берега доносились пение желтогрудых дубровников, поскрипывание коростелей и кукование.

Я лежал с ребятами на горячем песке и с трудом согревался после долгого купания. Весь засыпанный песком загорелый Степка с посиневшими губами, едва владея трясущейся челюстью, предложил:

– Ребята... айда... силять!

– Как это – силять? – не понял я.

– Увидишь... согреемся и айда?

Через полчаса с удилищами на плечах мы подошли к плоту. Вместо лесок на концах удилищ были привязаны волосяные петли.

Первое же бревно начало тонуть, едва я вступил на него, второе повернулось вверх мокрым скользким боком. Но, глядя на ребят, я быстро освоил несложную технику хождения по плоту. Большинство бревен было закреплено прочно.

– Е-есть одна! – раздался возглас белокурого веснушчатого Васьки. На конце его удилица извивалась небольшая щучка, охваченная поперек тела волосяной петлей.

– Вон еще одна стоит!

И в самом деле, у самой поверхности нагретой солнцем воды, между двух бревен, неподвижно дремала щука.

На моих глазах один из мальчиков погрузил в воду перед головой щуки волосяную петлю на конце удилица, завел ее до середины тела рыбы и энергичным рывком выхватил из воды добычу.

– Ого какая! Ленька, дай кукан³!

Я тоже заметил щуку. Ни один плавник у нее не двигался. Но левый неподвижный глаз, казалось, строго смотрел на меня. Осторожно я стал опускать петлю перед щукой. Но рыба находилась около самого бревна, и оно мешало надеть петлю.

– Она крепко спит, поверни ей рыло удилицем, тогда осияешь, – поучал меня кто-то из ребят.

Не веря своим глазам, я концом удилица осторожно отодвинул голову щуки от бревна. Рыба лежала, теперь неподвижно посередине между бревнами. Только грудные плавники ее задвигались.

– Силай быстрее – проснулась!

– Сейчас сиганет под бревна! – торопили меня ребята.

Я рванул удилице вверх. На его конце беспомощно билась щука!

Прыгая с бревна на бревно, подбежал Ленька с куканом. Едва мы надели мою добычу на кукан, как Леньку стали звать на другой конец плота, там тоже поймали щуку.

Впрочем, рыбалка не обошлась и без слез. Ленька, самый младший из нас, все время бегал по плотам от одного рыбака к другому и помогал надевать на кукан щурят. Вдруг мы услышали громкий плач. Оказалось, крупный щуренок схватил Леньку за палец и стиснул челюсти в мертвой хватке. Мальчуган орал, тряс рукой, а у него на пальце болталась рыба. Показалась кровь. При виде ее Ленька заорал что есть мочи.

Мы побросали удилица, окружили Леньку, но разжать щучьи челюсти не могли.

Наши испуганные голоса и вопли Леньки разбудили сторожа. Он вылез из низкого шалаша, пятясь задом, разогнулся, жмурясь от солнца, и не торопясь зашагал по бревнам. Мы расступились и стихли.

– Чаво, озорники, натворили? Дай суды руку, тебе говорю!

Ленька протянул дрожащую руку, давясь слезами.

– Ляжь на бревно!

Сторож схватил руку Леньки и сунул в воду. Щуренок сразу отпустил палец и нырнул.

– Теперя марш отседова, варнаки! Ишо нырнете промеж бревен, не дай господь. Ну?!

Мы дружно брызнули с плотов, едва успев прихватить удилица и кукан с рыбой. А вдогонку несло уже по моему адресу:

– А ты, верзила, боле всех, жених скоро, с имя сияешь! Я вам посиляю вдругорядь!

С горы по взвозу спустилось стадо коров. Они зашли по колено в воду, долго пили, а потом лениво побрели обратно в гору. Пастуха с ними не было.

Возможности подняться в гору по крутому взвозу «за казенный счет» упускать было нельзя. Мы бросились догонять коров. Каждый ухватился за коровий хвост. Удилища забарабанили по бокам медлительных животных. Откинувшись назад, мы только переступали ногами, а коровы тащили нас за собой по всему длинному взвозу.

³ Кукан – приспособление для сохранения и переноса выловленной рыбы. Он представляет собой прочный шнур с проволочной петлей на конце. Пойманную рыбу, осторожно сняв с крючка, сажают на кукан. Для этого петля продевается в отверстие, сделанное ножом в мягкой ткани рта рыбы, около нижней челюсти, и рыба осторожно опускается в воду (*примечание редактора*)

Домой я пришел как раз к обеду. Мать уже вернулась из детского приюта, отец – из города. Крепкий и рослый, по-мужицки красивый, с бородой и усами, никогда не знавшими бритвы, он быстро и умело распрягал лошадь. Я бросился ему помогать и с восторгом рассказывал, как мы ловили шук. О коровах я, конечно, умолчал.

В годы моего детства любимым занятием мальчишек была игра «в индейцев». На займке было раздолье для засад на «бледнолицых», для набегов на огороды фермеров (родителей) и езды верхом на мустангах (на прутьях). Ходили мальчишки «по-индейски» – гуськом друг за другом, старательно выворачивая пятки, озираясь и в любой момент ожидая воображаемого нападения...

Однажды, когда я уже учился в реальном⁴, отец привез на займку на воскресенье весь наш первый класс. Ребят разделили на два индейских племени, и весь день прошел в Куратовском бору в различных индейских играх.

На берегу пруда в дальнем углу займки мы построили вигвам, покрыв его шкурами буйволов (старым брезентом).

Как-то отец разрешил мне с одноклассником Борисом Пушкаревым ночевать в нашем вигваме одним, без взрослых. Несмотря на возражения матери, под вечер он перенес в наш шалаш постели, продукты и посуду, а сам ушел домой. Мы сразу вообразили себя индейцами!

– Бурый Медведь, великий вождь славного племени делаваров, не сделать ли нам книгу посетителей на берегу пруда и около вигвама? – с важным видом обратился я к Борису.

– Ты мудр, Серый Волк, вождь бесстрашного племени дакотов, снимем мокасины и за дело!

Мы сняли ботинки и бегом начали таскать старым ведром сырую грязь из пруда. Из нее мы нашлапали несколько площадок. Конечно, на них оставят следы все, кто побывает здесь ночью.

Одно важное дело было сделано. Между тем солнце низко опустилось над бором.

– Бурый Медведь, не пора ли нам заняться ужином? – спросил я солидно, как подобает вождю, посасывая прутик с надетым на конце юрком от ниток. Я передал эту «трубку мира» Борису. Он помолчал, как полагалось, пососал прутик и посмотрел на солнце. Я ждал. Наконец он произнес:

– У нас есть вареное мясо оленя, которое мы отобрали у бледнолицых, я могу вскипятить кофе, если великий вождь Серый Волк сходит за хворостом.

– Уф! – воскликнул я в ответ и отправился в лес – то бегом, то шагом, как воин в походе, чтобы не уставать.

Ужин в лесу у костра, впервые в жизни без взрослых, запомнился мне надолго. Быстро стемнело. Мы улеглись в вигваме на постели, но уснуть не могли и молча лежали, прислушиваясь к ночным звукам леса. Где-то в бору кричала сова, около пруда затянул свое нескончаемое «rrrrrr» козодой. Азартно квакали лягушки. Все эти голоса нам были хорошо знакомы. Но все же обоим было как-то тревожно, не по себе. Впрочем, никто из нас не предлагал убежать домой.

Вдруг какой-то тяжелый зверь прошагал мимо нашего шалаша к пруду. Мы затихли под одеялами.

– Кажется... медведь... – прошептал Борис.

– Молчи, дурак... услышит, – прохрипел я из-под одеяла.

На пруду раздались всплески, и громкое ржание неожиданно возвестило, что это лошадь прошла мимо нас. В ответ ей с горы заржала вторая наша лошадь.

⁴ Реальное училище – в дореволюционной России и ряде других стран – среднее или неполное среднее учебное заведение, в котором существенная роль отводится предметам [естественной](#) и [математической](#) направленности (примечание редактора)

– Это Гнедко распутался и приходил пить, – пояснил я и вылез из-под одеяла. – Где у нас топор? – Я с усилием овладел собой и старался говорить без дрожи в голосе, но это плохо удавалось.

– У нас нет топора, – донесся из-под одеяла голос Бориса.

– Я хотел сказать – где томагавк? – поправился я.

– Он остался около костра...

– Борис, принеси его!

– Здесь нет никакого бледнолицего Бориса. К кому ты обращаешься?

– Великий вождь делаваров, принеси томагавк!

– А, почему это должен сделать Бурый Медведь, а не Серый Волк?

– У меня разболелась нога... Да я и не знаю, где ты его положил, еще не найду в темноте.

Может быть, Бурый Медведь боится? Тогда я...

– Уф! – раздалось в ответ. Борис с большой неохотой вышел из шалаша и вскоре с нервной торопливостью ворвался обратно.

– Томагавк будет у входа... Кто полезет – останется без скальпа! – мрачно заявил Борис и залез под одеяло.

Топор сделал нас храбрее, и вскоре мы оба уснули.

Утром ночные страхи были забыты. С первыми лучами солнца мы побежали на пруд умыться. На «книге посетителей» оказались следы коня. Он прошел по ней к пруду и обратно, растоптал и перемешал грязь с землей. Около вигвама мы обнаружили на грязи следы мужских и женских ботинок: это родители приходили поздно вечером, убедились, что мы спокойно спим, и вернулись домой.

Помню Барнаул в первые годы нашего века. Это был уездный город Алтайского края, почти сплошь из деревянных домов и с деревянными тротуарами. По ночам по всему городу раздавался лай собак и стучали колотушки ночных сторожей, словно нарочно предупреждая редких ночных воров, что идет сторож. Номера были не у всех домов. Нужный адрес находили по приметам у любого встречного на улице примерно так:

– Где живет Елизаров?

– Вон на углу большой желтый дом, видите? От него идите направо по переулку до магазина Морозова, а рядом с магазином живут Елизаровы. У них дом приметный с мезонином и кирпичная площадка перед подъездом.

Даже письма из других городов приходили с такими адресами:

«Барнаул, улица Сузунская, против портного Лазарева, господину Вдовину».

Каждую весну на Заводской улице долго стояла большая лужа, заливая даже тротуары. По обоим берегам лужи с утра до вечера стояли извозчики и за пятак перевозили через лужу или подвозили к затопленным домам. Жители «прибрежных» домов, жалея пятаки, строили переходы вдоль домов – бросали в мягкое месиво грязи кирпичи и поверх них доски. Держась за стены домов и заборы, осторожно шли до нужной калитки. Были случаи, что доска соскальзывала с кирпичей и пешеход оказывался по колено в воде и грязи. Это приводило в восторг извозчиков:

– Пожалел пятак, скряга!

– Порядился бы, и за три копейки доставил бы!

– Тони там, не повезу таперя – пролетку мне замараешь. Ха-ха-ха!

– Пропаду на вас нет, варнаки, – неслось в ответ гневное из лужи. – Шкуродеры, окаянные!...

Большинство горожан было убеждено еще от родителей и дедов в незыблемости царского строя. Шли годы без волнений, тревог, жизнь была ровной, одинаковой сегодня, как вчера, как будет завтра, примерно до 1904 года. В газетах стали появляться сообщения о забастовках рабочих, восстаниях, погромах, бунтах, особенно после того, как стало известно о позорной

войне с Японией и падении Порт-Артура в декабре 1904 года. Напротив нашей квартиры в городе жил ссыльный революционер Штильке. На несколько зимних месяцев родители снимали в городе квартиру. В то утро наша семья не отходила от окон. И вот на улице показалась небольшая толпа. Впереди несли портреты царя и царицы, иконы, хоругви⁵, взятые из церкви. Толпа шла без шапок и нестройно пела пьяными голосами: «Боже царя храни...» Замыкал эту кучку людей десяток конных городских. По тротуарам и сзади шли огромные толпы любопытных.

– Это черносотенцы! – воскликнул отец. – Сейчас эти негодяи начнут погром. Марья, уведи сына!

Но я вернулся и припал к другому окну.

Перед домом Штильке черносотенцы остановились. Пение смолкло. Раздались крики, в окна полетели обломки кирпичей. Ободряющие пьяные выкрики усилились. Люди ворвались в дом. Под неистовые вопли и улюлюканье зазвенели разбитые окна, на улицу вылетели оконные рамы, из пустых отверстий поднялись облачка пуха и перьев из разорванных подушек, осколки посуды со звоном рассыпались по улице. Но конные городские⁶ невозмутимо смотрели на это бесчинство.

Я бросился к отцу, обливаясь слезами:

– Дядю Штильке убьют? Почему городские не видят, что делается?

Отец молча взял меня за руку и увел в кухню.

Когда толпа ушла, я тайком от родителей сбегал на улицу. В квартире Штильке остались только голые стены. Все было истреблено – мебель разбита, одежда разорвана, листы из книг и осколки посуды устилали пол. Сам Штильке и его семья успели скрыться.

– Почему городские не помешали погрому?

– Вырастешь – узнаешь! – сердито ответил отец.

Знакомые ребята потом рассказали, что от дома Штильке черносотенцы и толпа зрителей повернули на улицу, где жил Орнатский. Но пять конных городских объехали рысью толпу и молча выстроились около крыльца. Толпа прошла мимо и повернула в соседнюю улицу.

⁵ Хоругвь – религиозное знамя, используемое во время военных действий. На полотнище военной хоругви изображается образ Иисуса Христа, Богородицы, святых, герб, или святые реликвии (*примечание редактора*)

⁶ Городовой – в царской России: нижний чин городской полиции (*примечание редактора*)

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ПИСАТЬ

Ранняя барнаульская весна 1905 года запомнилась на всю жизнь, хотя мне и шел тогда восьмой год. К ужасу матери, отец решил взять меня с собой на весеннюю охоту. Никакие уговоры и опасения, что я могу простудиться, ей не помогли. Конечно, я не помню, как ссорились из-за меня родители и как укутывала меня мать, но я хорошо запомнил пару лошадей, запряженных в ходок с плетеным коробом, и весеннюю апрельскую грязь на дороге. Почти все время ехали шагом. Лошади чавкали ногами по жидкой грязи. То и дело мокрые комья летели к нам в коробок из-под задних копыт пристяжной.

Двадцать верст до деревни Бельмесево ехали долго. В небе пели жаворонки, где-то под облаками курлыкали журавли. Сосновый бор по обеим сторонам Змеино— горского тракта еще утопал в снегу. Когда-то по этому тракту возили на лошадях руду на Барнаульский завод.

За всю дорогу не встретилось ни одной подводы. Мало кто отваживался чуть ли не плыть по жидкой грязи. Но пешеходы были: несколько солдат брело по краям тракта, выбирая сухие места. Они отслужили свой срок на военной службе и спешили добраться домой к празднику Пасхи. Впервые тогда я видел яркую форму двух солдат— гусар: они были одеты в черные мундиры с поперечными белыми нашивками и в красные суконные штаны. У нас в Барнауле стоял пехотный полк, а кавалеристов мы, мальчишки, видели только на картинках.

Необычной была и ночевка в деревенской избе. Здесь все было не так, как дома. Маленькие окна, заставленные цветами, самотканые половики, низкие потолки и огромная русская печь. Охотники, сослуживцы отца, приехали раньше нас. Они бывали у нас в городе, и я обрадовался, увидев знакомых.

Ужин прошел весело и шумно, в разговорах об охоте и рыбалке. Все эти важные и строгие в городе люди оказались здесь такими веселыми и простыми.

Хорошо запомнилось, как утром я сидел с отцом в скрадке⁷ на берегу разлива. В небе пели жаворонки. Над разливом кружились чайки, кувыркались в воздухе чибисы. Отец называл мне птиц.

Пара лебедей, розоватых от лучей низкого утреннего солнца, неожиданно зазвенела крыльями над головами.

– Стреляй, стреляй! – закричал я, впервые охваченный азартом.

Но отец только улыбнулся в бороду:

– Лебедей нельзя стрелять! Старики говорят, что это грех, а мы, охотники, бережем этих красивых птиц. Их остается все меньше.

Вдруг отец пригнулся в скрадке и взвел курок у ружья – пара уток приближалась к нам над разливом. Когда они пролетели мимо нас, отец выстрелил. Задняя утка комом шлепнулась в воду. Это был наш единственный трофей за все утро.

Но в деревне я с трудом сдерживал слезы: товарищи по охоте при мне стыдили отца за то, что он убил утку, а не селезня. Отец смущенно оправдывался, показывал зеленые пятна на крыльях утки, уверял, что она летела позади, как полагается лететь селезню. Но кто-то из охотников принес только что убитого селезня с ярко-зеленой головкой, красными лапками и темно-коричневой грудкой. Спорить больше было не о чем.

Через несколько дней у меня вдруг появилось желание написать для самого себя об этой охоте. В ученической тетради в линейку, крупными буквами, на нескольких страницах, я впервые в жизни написал «рассказ» и показал отцу. Он пришел в ужас от огромного количества

⁷ Скрадок – укрытие обычно в виде шалаша для подкарауливания зверя или дичи (примечание редактора)

ошибок. Поправки красным карандашом разукрасили не только каждую страницу, но и каждую строку.

– Как же ты думаешь держать экзамен в реальное училище? Ведь ты же прилично писал диктанты!

Мое «произведение» огорчило родителей, и я с негодованием уничтожил тетрадь.

Только много лет спустя мне стало понятно, почему я тогда сделал столько ошибок: я так увлекся переживаниями этой охоты и возможностью впервые изложить на бумаге свои мысли, что совершенно забыл о существовании твердого знака, буквы «ять» и знаков препинания. Но несмотря на то, что мне уже восемьдесят три года, подробности моей первой охоты припоминаются до сих пор, вероятно, потому, что были записаны и таким образом закрепились в памяти. Однако, желание писать у меня отбито было надолго, а огненные после красного отцовского карандаша страницы стоят перед, моими глазами и по сей день!

Когда мы уезжали с займки, там оставался сторожем старик Антон. На березе около крыльца, на конце Длинного шеста, он насаживал суконное чучело косача и водружал шест на вершину дерева. Каждое утро, прежде чем выйти из сеней, он смотрел на березу, а на нее по утрам частенько опускались косачи. Тогда гремел выстрел, и на обед у Антона был «куриный суп».

Однажды под вечер у ворот нашей зимней квартиры заржал конь. Наш Гнедко ответил ему из конюшни.

– Митя, опять кто-то из деревни приехал. Встречай! – недовольным тоном воскликнула мать. Она не любила деревенских родственников отца за хаос от их лошадей и за нудные разговоры за столом – об урожае, здоровье, дороговизне.

На этот раз вместе со своей старой матерью приехал племянник отца – моряк. Кончилась позорная японская война, и он вернулся из плена, куда попал после сдачи Порт-Артура. Приехал для оформления своих документов у воинского начальника в Барнауле. В подарок мне моряк умудрился привезти из Японии морскую игру, которой развлекались наши пленные. Это были миниатюрные металлические миноносцы, крейсера и броненосцы. Часть их была выкрашена в черный цвет, с андреевским флагом на корме, – это был русский флот. Суда серого цвета имели на корме японский белый флаг с красным солнцем в центре. С этой игрой я не расставался всю жизнь, и только в шестидесятых годах потерялись последние кораблики.

На ночь старушке постелили в столовой на диване. В Барнауле впервые заработала электростанция купца Платонова. Он был охотник, знакомый отца, и нам одним из первых провели электричество. Вместо горелки в висячую керосиновую лампу вмонтировали электрическую лампочку. Старушку об этом предупредить забыли.

– Когда помолитесь богу и будете ложиться спать, погасите свет! – сказала мать, уходя из столовой в соседнюю комнату. Там она долго читала перед сном, но забеспокоилась, заметив в дверную щель, что в столовой так долго горит свет. Мама встала и открыла дверь. Старушка стояла босыми ногами на обеденном столе и, побагровев от натуги, что есть силы дула на электрическую лампочку, пытаясь ее погасить!

На участке нашего соседа по займке, садовода Николая Ивановича Давидовича, страстного охотника и прекрасного стрелка, был построен Обществом охотников большой дом. В огромном зале в углу на искусственной горке стояло чучело алтайского козла. В стеклянных шкафах у стен было множество чучел птиц, мастерски сделанных врачом Велижаниным.

На шкафу – орел с распростертыми крыльями, а над выходной дверью из зала оскаленная голова волка. По воскресеньям зимой сюда приезжали из города охотники соревноваться в стрельбе. Из Барнаульского собрания приезжал буфетчик со своим штатом. Кухня была в отдельном домике. Обедали после соревнования за большим столом в зале.

Дом назывался «Садки» и был расположен в нескольких десятках метров от берегового обрыва на реке Обь. Перед домом была вырыта крытая траншея длиной 50 метров. Она упи-

ралась в поперечную такую же траншею. Все это сооружение имело вид буквы «Т» в потолке поперечной траншее были четыре отверстия на равном расстоянии друг от друга, а на полу стояли ящики, набитые живыми голубями— сизарями. Страшно сейчас вспомнить, что голубь был живой мишенью.

Начинались соревнования. В шубах, накинутых на плечи, на веранду перед домом выходили по очереди охотники, сбрасывали шубы и налегке подходили к началу траншеи перед домом.

Заряжали двустволку и, взяв на изготовку, охотник кричал:

– Готов!

– Готов, – отвечал дежурный.

– Давай!

Дежурный дергал за шнурок звонка, и рабочий выбрасывал в одно из отверстий в потолке живого голубя – неожиданно для стрелка – справа или слева. Испуганно хлопая крыльями, голубь взлетал. Гремели выстрелы, и он падал окровавленным комком. Гораздо реже благополучно улетал. Изгородью из проволоочной сетки был огорожен квадрат площади: если голубь падал не сразу, а за сеткой, это считалось промахом.

Вечером рабочие собирали убитых голубей и отправляли в Данию, как дичь. Почти всегда первое место по меткости стрельбы занимал Николай Иванович Давидович – всегда спокойный, немногословный, уверенный в своем мастерстве лучшего стрелка. Как победитель соревнований, он получил серебряный жбан, настольные дорогие часы, серебряное блюдо, щит с перекрещенными охотничьими ружьями и двумя летящими голубями из эмали в центре, книги в дорогих переплетах и много другого. Я дружил с его дочерью Катей и видел все это у них на квартире.

На соревнованиях по стрельбе мы, мальчишки, не спускали глаз с гвардейского корнета гусарского царско-сельского полка с французской фамилией – Галл. Он зимой носил ярко-красную фуражку. Вместе с отцом генералом он был выслан в Барнаул из Петербурга за какие-то провинности при дворе царя. На моих глазах, когда он стоял в блестящем мундире на стартовой площадке и крикнул «Давай!», ему выкинули из поперечной траншеи совершенно белого голубя, случайно пойманного с сизарями. Гусар замахал поднятым вверх ружьем, давая знать судьям, что он отказывается стрелять. Белый голубь в православной церкви является олицетворением духа Божьего. Ему сейчас же выкинули сизаря, но он промахнулся. Оба голубя улетели в город. В «святого духа» офицер не посмел стрелять, и это было одобрено всеми!

Стрельба по живым целям— сизарям продолжалась до вечера.

Почему такая жестокая забава не вызывала во мне жалости, как сейчас при одном воспоминании об этом? Вероятно, потому, что на «Садках» стреляли голубей много знакомых людей. Они бывали у нас дома. Ездили вместе на охоту с отцом, а я вместе с ними. Вообще меня влекло тогда к природе через мушку ружья и поплавков удилица. Это сменилось на всю жизнь стремлением к изучению природы и ее охране.

О том, кем родители хотели видеть меня в будущем, я узнал потом. Отец— математик хотел, чтобы я поступил в реальное училище и стал статистиком или экономистом. Реальное училище подготовляло для поступления в политехнический институт и в другие институты, выпускающие инженеров. В старших классах реального училища преподавалась высшая математика. Мать— медичка хотела видеть меня в будущем врачом и настаивала, чтобы я держал вступительные экзамены в гимназию. Там преподавали латынь, языки, и окончившие поступали на медицинский или на гуманитарные факультеты университетов. В то время для поступления в первый класс гимназии или реального училища нужно было сдавать экзамены по арифметике и русскому языку. Подготавливали ребят в городских школах и на дому.

Отец настоял на своем, и я помню, как осенью меня повезли с займки в город сдавать вступительные экзамены. Проехали по плотине пруда, и я увидел училище. Огромное кирпич-

ное здание показалось мне страшным, хотя я видел его много раз раньше и не обращал на него внимания. Двухэтажный дом был так не похож на обычные деревянные дома в Барнауле.

Толпа родителей ждала в коридоре. Нас, совсем еще маленьких семилетних мальчишек, посадили за парты в большом классе. Мы остались одни, испуганно озираясь и готовые вот-вот заплакать. Вошел инспектор училища Г. И. Антонов, толстый, в форменном сюртуке с блестящими пуговицами в два ряда и петлицами со звездами как воротнике. Мы испуганно сжались.

– Встаньте, дети! – ласково сказал инспектор.

Мы неловко поднялись.

– Теперь садитесь, начнем диктант!

Внятно произнося каждое слово, медленно, с остановками, он диктовал, а мы писали. Казалось, диктанту не будет конца. Однако на самом деле мы заполнили всего одну страницу в ученической тетрадке.

Вошло еще несколько учителей, и начался экзамен по арифметике. Не чувствуя под собой ног, я подошел к столу, за которым сидело несколько чужих дядей.

– Сколько будет, если сто разделить на двадцать? – спросили меня.

Я стоял, хлопал глазами и молчал.

– Сколько в рубле пятаков? – помог один из преподавателей. Дома на займке я потом легко ответил отцу на этот вопрос – но сейчас молчал, и это был «провал»!

Счастливого, меня увозили на займку огорченные родители. Но удивительно – как я выдержал без труда экзамен на следующий год – не помню совершенно!

Промелькнула зима. В марте в Барнауле только начинало таять. Чернели дороги. Шла заготовка льда на реке для погребов. На склонах бугров появлялись первые улыбки весны – проталины. Бахрома сосулек свисала с крыш к вечеру после солнечного полудня. Хором чирикала воробьиная стая на черемухе. Задолго до прилета скворцов начинали петь большие синицы. В марте мы уже переезжали на займку, хотя кругом дома еще высились сугробы ноздреватого снега. Весна с каждым днем брала перевес над зимой.

Где-то между 1905 и 1907 годами у нас на займке появилась первая в Барнауле скворешня, «моя», как я уверял мальчишек, хотя мое участие в этом заключалось только в подавании отцу молотка, пилы и гвоздей.

Об охране птиц в то время никто не слышал. Даже известный натуралист дореволюционной России М. Богданов в своих книгах «Мирские захребетники» и «Родная природа» писал, как надо ловить птиц, а одна из глав называлась «По гнезда, по яйца». Отец не разрешал мне разорять гнезда птиц на займке. Но в соседнем бору Куратова весной можно было услышать, как тревожно кричали дрозды. С тревожными криками они перепархивали с ветки на ветку, опустив крылья и подняв хвосты. Это там на поляну вышел мальчик. В руке он держал картуз с яйцами диких птиц. Дрозды усилили крики, появились еще взволнованные птицы, заслышав тревогу.

– Айда суды, Васька! – крикнул мальчик, – однако здесь дроздово гнездо и где-то!

Вскоре собралось на поляне несколько босоногих ребят с шапками и картузами, наполненными яйцами диких птиц. Общими усилиями гнездо дрозда было найдено. Яйца взяты и разделены, а гнездо сорвано и брошено на землю.

Ни у кого тогда в мыслях не было упрекнуть ребят в браконьерстве, да и слово это тогда не было известно. Ребята до вечера забавлялись дома, катая по наклонной доске яйца – чье дальше укатится, тот выиграл!

А взрослые в деревнях нагружали лодки яйцами диких уток и чаек. Сегодня это кажется невероятным, когда столько внимания уделяется охране природы!

Жили мы летом по-прежнему на займке около города. Однажды солнечным днем я забрался на стог сена. Рядом шумел сосновый бор. Я лежал на спине и смотрел на белые облака

в голубом небе. И вдруг снова возникло желание взять тетрадку и написать обо всем, что вижу. Сбежать домой и достать из ранца чистую тетрадку и карандаш не заняло много времени. Я снова взобрался на стог и оглянулся, вдыхая аромат свежего сухого сена. Бор круто спускался к реке, виднелась широкая полноводная Обь с белоснежным двухэтажным пароходом на середине. Поздняя «коренная», летняя вода со снежных вершин Алтая затопила луга, разлилась по ним, из воды торчали только вершинки кустов. Другого берега не было – разлив разошелся верст на десять. Громкий флейтовый свист иволги заставил меня посмотреть на соседнюю березу. Ярко-желтая птица с черными крыльями и черным хвостом на моих глазах подлетела к гнезду. Оно висело в развилке между двух сучков березы, как гамак. Пестрая бабочка присела на стог. Над головой зазвенела запоздалая песня жаворонка. Кругом стрекотали крупные зеленые кузнечики... Все это и многое другое было записано в тетрадь в том порядке, как это я видел, с собственными комментариями. Волнуясь, зачеркивая и снова записывая, я весь отдался порыву творчества.

Наученный горьким опытом, на сей раз я аккуратно переписал все заново и только тогда показал отцу.

Он прочитал и с удивлением посмотрел на меня поверх очков. То, что я написал о природе, ему явно понравилось. А когда показали знакомым, похвалы так и посыпались, а тетрадку где-то «зачитали».

Охота и сенокос начинались в те времена в Петров день — 29 июня. Как раз к этому времени пришла посылка с Тульского оружейного завода с одноствольным ружьем небольшого калибра. Это был подарок отца – за то, что я перешел в пятый класс, а значит, получил «начальное образование» городских училищ.

В воскресенье мы поехали с отцом на охоту. Тогда не надо было далеко ездить – дупелей⁸ и уток было множество близко от города, по другую сторону Оби. И вот первые шаги с ружьем в руках – как это было ново и волнующе! Росистое утро на сырых лугах, еще с туманом над озерами и протокой. Холодная тень под кустами тальника и черемухи, крики птиц и далекий гул парохода на реке...

Первый дупель внезапно выпорхнул из-под самых ног и благополучно улетел, пока я целился в него, но выстрелить так и не успел. Вскоре сеттер⁹ Бекас замер в мертвой стойке. Я подбежал к собаке, приготовился.

– Вперед! – крикнул я не своим голосом, подражая отцу.

Собака сделала всего один шаг – дупель шумно «фыркнул» из травы и полетел по прямой, быстро удаляясь. На этот раз, как ни волновался, все же успел поймать дупеля на мушку и нажать на спуск. Грянул выстрел, все заволочло дымом от черного пороха. Но дупеля в воздухе не было видно.

«Неужели попал?» – думал я, озираясь.

А Бекас уже нес мой трофей, но не ко мне, а к ногам отца!..

Первая самостоятельная охота... Мне опять захотелось написать, как вылетали дупеля и по большей части впустую гремели выстрелы, как от волнения я даже не успевал вскидывать иногда ружье к плечу. Но за разными летними делами я так и не успел взяться за тетрадку.

Начинались занятия в реальном. Однажды, учитель словесности предложил классу написать сочинение о самом интересном дне каникул. На следующем уроке он вошел в класс с кипой проверенных тетрадок. Как сейчас помню, он не сел за стол, только тетради положил. Одну он держал в руках.

– Как вы думаете, господа, кто написал сочинение лучше всех?

В ответ выкрикнули несколько фамилий лучших учеников.

⁸ Дупель – птица из отряда ржанкообразных семейства бекасовых (*примечание редактора*)

⁹ Сеттер – охотничья порода собаки (*примечание редактора*)

– Лучше всех написал Зверев!

Все удивленно переглянулись. Известно было, что я учусь на тройки и не выделяюсь ни по одному предмету.

За грубые орфографические ошибки сочинение заслуживает двойки, но я поставил за него пять с минусом, настолько оно зрелое в литературном отношении. Это сочинение о чудесной природе окрестностей нашего города. Слушайте, я вам его прочитаю!

Преподаватель словесности был прекрасный чтец, и от этого мое произведение показалось мне и в самом деле замечательным.

Я сидел красный, как рак от смущения.

Когда у подростков-старшеклассников начинает ломаться голос и появляются первые признаки усов, обычно их тянет к самостоятельности, ухарству – море кажется по колено! Не миновал и я этой поры. Однажды, на большой перемене мы с жаром спорили о храбрости.

– Ночью не пойдешь один на кладбище, побоишься, хотя и охотник! – наседали на меня товарищ по соседней парте Михайлов, сын начальника Алтайского округа.

– Это шаблон! Даже девчонки туда на спор ходят, – возражал я, – предложи что-нибудь действительно страшное.

– Изволь! Ты ведь знаешь наш дом на Томской улице? В Барнауле в прошлом веке он был одноэтажным, а в подвале находились тюремные камеры.

– Это все знают! – перебил я. – Ну и что же?

– А то, что в камере № 7 была заключена революционерка, дочь богатея, как ни странно. Ее схватили на балу в роскошном голубом платье, когда она пыталась выстрелить в губернатора. Как только ее оставили одну в камере, она повесилась на своем поясе.

– При чем тут храбрость? И вообще – к чему ты все это говоришь, – перебил я Михайлова.

– Ты знаешь, какой завтра праздник?

– Конечно: именины царя. Будет парад на соборной площади, а нам учиться – в календаре красное число, – ответил я.

– И тогда был бал в день именин императора, а вечером она повесилась. Говорят, что как только наступает царский день, в тот вечер ее можно увидеть, если набраться храбрости, сесть в камеру № 7 и смотреть в зеркало. Спорю, что ты побоишься это сделать! – и Михайлов испытующе посмотрел на меня.

– А ты? – спросил я.

– Не побоюсь нисколько!

– И я тоже! – выпалил я неожиданно для самого себя.

– Тогда давай завтра отправимся туда вместе!

Послышался звонок. Перемена кончилась. Признаться, я раскаивался, что дал согласие, но делать было нечего.

На другой день вечером я пришел к Михайлову. Он ждал меня, втайне надеясь, что я не приду. Впрочем, только через год он признался мне в этом. А тогда родители его уехали на бал по случаю празднества, именин царя, в доме оставалась одна кухарка. За рублевку мы уговорили ее сохранить в тайне нашу затею, открыли люк в сенях, под парадной лестницей, и спустились в подвал со свечой в руках.

При слабом свете низкий сводчатый коридор казался бесконечным. По обеим сторонам были казематы с крошечными решетчатыми окошками. Наши шаги гулко раздавались в пустом помещении. Мы оба замирали от страха, стараясь не выказывать это друг другу, но все же нашли в себе силы отыскать полустертую цифру «7» на одной из камер. Со скрипом открылась тяжелая дверь, и мы вошли в тесную, затхлую каморку, высоко подняв свечу. К одной стене была прикована ржавая железная кровать.

– Сядем... – прошептал Михайлов, указывая на кровать.

Мы сели. Я держал свечу, а он зеркало.

– А когда она повесилась? — едва слышно пролепетал я.

– Как раз в это время... Молчи...

Мы надолго замолчали. Однако голубая дама в зеркале не появлялась. В нем смутно виднелись при свете свечи только наши побледневшие лица.

Прошло порядочно времени. Я только хотел сказать: «Хватит, айда отсюда», — как вдруг мы совершенно явственно услышали дробный стук женских каблучков по лестнице у нас над головами.

– Она... сейчас сюда... — Михайлов порывисто вскочил, толкнув меня, а я с перепугу выронил свечу. Мы сразу оказались в кромешной темноте. На полу зазвенели осколки упавшего зеркала. А мы в ужасе, на ощупь, бросились из подвала к выходу, держась за стены и ожидая в любую секунду чего-то сверх естественного!

Опомнились мы только, когда ворвались в кухню.

– Что-то скоро вернулись, храбрецы? — улыбнулась кухарка, заметив наш перепуганный вид.

– Шаги на лестнице услышали? Это барыня плохо себя почувствовала на балу и вернулась домой...

Учебный день в Барнаульском реальном училище начинался без четверти девять утра. Швейцар звонил, и 300 реалистов строились в ряды по классам в актовом зале на втором этаже. Серые брюки и серые тужурки с двумя блестящими пуговицами на воротниках, кожаные черные ремни с медными бляхами и буквами Р. У. И. Н. П. делали всех однородной серой массой. Классные надзиратели обходили и ровняли ряды. Все стихало. В коридоре раздавались торопливые мелкие шаги директора статского советника Голандина, и он входил всегда как-то правым плечом вперед, немного боком. Мельком взглянув на притихшие ряды, он кивал классному надзирателю:

– Начинайте молитву!

Дежурный Даев! — командовал классный надзиратель. Мой сосед по парте, очередной дежурный, бойко вышел из рядов и направился в угол перед строем, где висела небольшая икона.

– Отче наш, иже еси на небесах... — начал он громко читать молитву, то и дело крестясь и кланясь. Директор делал на груди короткие кресты сложенными вместе тремя пальцами правой руки. Младшие классы тоже крестились вслед за директором, не спуская с него глаз. Старшие классы стояли, опустив руки по швам, только несколько реалистов, сыновья священников, тоже крестились.

Дежурный закончил молитву, и училище запело, не особенно стройно к огорчению нашего учителя пения Ракина:

– Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояние...

Директор отходит на несколько шагов к стене около дверей со скрещенными на животе руками. Первый проходил мимо него дежурный, который читал молитву и старательно кланялся. За ним парами шли реалисты, начиная с первого класса. Директор придирчиво смотрел за почтительностью поклона, чистотой сапог и опрятностью одежды. Некоторых возвращал:

– Господин Бирюков, вернитесь, пройдите снова и поклонитесь как положено!

Пропустив несколько пар, директор поднял руку. Шествие остановилось.

– Господин Пушкарев, скажите родителям, чтобы пришили светлые пуговицы к воротнику. Утром до молитвы явитесь ко мне и покажитесь!

Снова дружно, в ногу топают мимо пары, и опять сердитый голос:

– Господин Чередов, где Вы находитесь, в казачьей казарме? Зачем этот чуб?!

Пропустив мимо последнюю пару, директор уходит в учительскую, и оттуда сразу выходят преподаватели по своим классам. Директор тоже уходит читать физику в старших классах.

Трудовой день начинается. Большая перемена на 40 минут начиналась ровно в 12 часов. Город был небольшой, и многие реалисты успевали позавтракать дома. Мне тоже было ровно пять минут быстрой ходьбы до улицы Бийской, № 100. Только зимой уходило много времени на одевание у швейцара, где на вешалке оставлялась верхняя одежда. Нужно было непременно застегнуться на все пуговицы, надеть точно прямо черную папаху, башлык, галоши, и все это, как ни торопись, нужно было сделать «как положено». Классный надзиратель стоял у выходных дверей и следил, все ли правильно оделись. Бежать не разрешалось, а только быстро идти. Впрочем, я шел только до поворота за угол училища, а затем припускал во весь дух и добегал к дому за три минуты.

В первых классах дома быстро раздеться и потом одеться помогала мать, а завтрак был уже на столе. Обычно за пять минут до начала занятий я был уже в училище.

Кто жил далеко, покупали горячие мясные пирожки по 5 копеек за пару. Их приносили на большую перемену в училище горячими в ящике, обитом войлоком и черной клеёнкой.

Сзади училища был двор, огороженный высоким забором. На большой перемене здесь разрешалось играть реалистам. Две высокие ледяные горки, сделанные из дерева и покрытые зимой льдом, стояли в двух концах двора. Одна немного правее другой, и от них шли ледяные дорожки навстречу друг другу. Как теперь два противоположных движения по шоссе отделяет барьер или газон, так и там обе ледяные дорожки отделяла насыпь из снега. Скатившись на санках с горки, ребята неслись по ледяной дорожке до противоположной горки и, поднявшись на нее, катились обратно. Я обычно успевал по разу еще скатиться с катушки, прибежав из дома после завтрака.

Письмо от учителя словесности было коротко и ясно – он просил срочно зайти к нему моего отца.

– Ты что-то натворил, Максим? – удивленно спросил отец.

– Нет, не знаю, зачем он вызывает!

На квартиру к учителю пошла мама. Вскоре она вернулась очень взволнованная и при мне громко заявила отцу:

– Представь себе, он просит пятьдесят рублей, иначе угрожает поставить Максиму двойку на экзамене!

Возмущению отца не было предела! Я никогда не видел его таким раздраженным:

– Лучше Максиму остаться на второй год, чем унижать свое достоинство взяткой! – таково было его непреклонное решение. Конечно, в училище мне было запрещено говорить об этом.

На экзамен я шел солнечным весенним утром, заранее обреченный на провал.

Учитель оказался верен себе и вклеил мне двойку на устном экзамене по русскому языку, хотя я ответил без запинки на все вопросы. Но за экзаменационным столом сидели еще два учителя. Они удивились, о чем-то переговорили и поставили мне хорошие оценки. В среднем оказалась спасительная тройка, и я перешел в седьмой класс. А учитель— взяточник вскоре был разоблачен другими родителями и уволен.

На уроке рисования я получал пятерки и на этот раз хорошо нарисовал гипсовый шар, быстрее всех.

– Дай срисую... – прошептал сосед по парте Борис Пушкарев.

С помощью папиросной бумаги он перерисовал мой рисунок себе в тетрадь. Отметки ставились в конце урока. Учитель рисования Еврейнов (его фамилию я запомнил на всю жизнь) обходил парты и на тетрадях каждому выставлял отметки. Я получил тройку, а Борис – пятерку! Я хотел поднять руку, чтобы сказать, что произошла ошибка. Но Борис удержал меня:

– Молчи, а то мне он кол вклеит! Подумаешь, у тебя столько пятерок по рисованию, одна тройка ничего не значит.

Я согласился. Но на следующем уроке у меня списали несколько ребят и получили по пятерке, а я опять тройку.

Дома я рассказал об этом родителям.

Оказалось, мама поссорилась в Общественном собрании с Еврейновым: он придерживался верноподданнических взглядов и боготворил царя, а мама ненавидела государственный строй России и наговорила много лишнего. Родители побоялись огласки, решили промолчать, а я так и закончил год с тройкой по рисованию.

СТАРИНЫ ДАЛЕКОЙ ОЧЕВИДЕЦ

Рождество. Раннее зимнее утро. Еще сумерки, а в доме раздается хор детских голосов:
Рождество твое, Христе боже наш,
Воссия мирове свет разума...

Кончается это короткое песнопение веселыми детскими голосами:

– С праздником, хозяин и хозяйюшка!

Это пришли славельщики. Вынести им мелких монет, печенья и конфет было моей обязанностью. Ребята благодарили и убегали славить в следующий дом. Вскоре появлялись новые славельщики. За утро их приходило несколько шумных стаек. Угощение для них мать готовила с вечера.

Хлопот у хозяек было множество. По своим достаткам в каждом доме двадцать пятого декабря накрывали праздничный стол. А у богачеев— купцов на все рождество и святки накрывались столы со всевозможными закусками, дорогими винами, жареными поросятами, утками и гусями, запеченными окороками и другими угощениями. Хозяйка принимала визитеров – более близкие знакомые приходили и выпивали рюмочку— другую и закусывали, менее близкие – оставляли только визитные карточки.

В последних классах я дружил с Глебом Платоновым, сыном барнаульского богача и с двумя его сестрами Любой и Зиной. У них-то я и повидал роскошный рождественский праздничный стол. Меня тогда особенно поразило обилие свежих фруктов: верненский душистый апорт, крупные груши – дюшес, виноград и многое другое. Первый раз в жизни я робко взял со стола у Платонова грушу и навсегда запомнил ее вкус. Фрукты с юга завозились на лошадях, в санях, закутанные в кошмы, в Барнаул, Томск и другие сибирские города. Всю зиму ими торговали только татары в полуподвальных лавках, почти не отапливаемых.

На все святки распределялись дни, к кому из товарищей идти на елку. Друзей было много, дней не хватало. У нас в доме родители устраивали елку в сочельник – в ночь под рождество – двадцать четвертого декабря.

Танцевали на вечерах под бречание балалаек, игру гитар и гармошек. В очень богатых домах появились пружинные граммофоны, они заводились ручками. Неожиданно граммофон появился и в нашей семье, самым удивительным образом. Мои родители оба курили. Тогда не было в продаже сигарет и готовых папирос. Табак продавался отдельно от пустых гильз. Курильщики дома сами набивали табаком гильзы или курили трубки и самокрутки.

Отец купил перед рождеством коробку гильз фирмы «Катык», вскрыл ее и обнаружил в ней выигрышный билет на один граммофон с набором пластинок.

В то время конкурирующие фирмы широко рекламировали свои товары, обещая покупателям выигрыши, если они будут покупать табачные изделия только у них. На коробке было написано: «Покупайте только гильзы «Катыка», и дальше шел перечень предметов, которые можно было выиграть. Из многих сотен тысяч коробок отцу досталась «счастливая»! В тот же день был принесен домой граммофон с десятком пластинок.

Кроме песен Собинова, Шаляпина и других были четыре с танцами – вальсом «На сопках Маньчжурии», полькой, венгеркой и казачком. Все рождество мы таскали граммофон по вечеринкам из одного дома в другой.

В Сибири никогда не было крепостного права и помещиков. Но дворянское собрание было на углу улицы Томской и Соборного переулка (ныне ул. Короленко). Впрочем, интеллигенция называла этот клуб «Общественным собранием».

На святках в дворянском собрании устраивались вечера— маскарады. А мы устраивали маскарады у себя дома и веселыми шумными компаниями ряженных ходили по знакомым семьям. Кончалось все танцами под наш граммофон. Была у меня и неприятность. В магазине

я купил погоны полковника, нарядился офицером, а вместо шашки выпросил у товарища отца шпагу с кистью от парадного мундира.

Каково же было мое смущение, когда, раздевшись у соседней по займке Давидовичей, я обнаружил, что шпага где-то выпала по дороге. Вечер был испорчен. Отцу пришлось купить новую шпагу в магазине и отдать товарищу.

Когда началась война, в гимназиях на рождественских каникулах устраивали шумные вечера с танцами, играми, благотворительными лотереями в пользу детских приютов и раненых.

Последнюю неделю перед рождеством было три дополнительных урока по закону божьему. Священник Иоанн Горитовский приходил в новой рясе, на груди у него висел серебряный крест на цепочке. Он был особенно строг на этих уроках. И надо же было Боре Пушкареву, моему соседу по парте, поднять руку.

– Что тебе? – строго спросил священник.

– Батюшка, Вы говорите, что бог троичен в лицах – отец, сын и дух святой. Значит, если три головы, то и три шеи должно быть?

Мы испугались, увидев, как побагровел от гнева наш батюшка и крикнул:

– Молчи, еретик, вон из класса, богохульник! – Жирная единица возникла в классном журнале против фамилии Пушкарева.

Конечно, перед праздником нас «гоняли» в церковь ко всенощной. Там ученики гимназии и реального училища рядами стояли справа, а гимназистки – слева. Отец Иоанн Горитовский строго следил в щелку алтаря за нами. Если замечал перешептывание, вызывал на амвон, ставил на колени и нужно было «бить» сорок поклонов. Тогда грех прощался! Пришлось это испытать и мне. Я пытался рассмотреть, даже привстал на цыпочки, пришла ли моя подружка Катя из «синей» гимназии, соседка по займке. Это было замечено! Я «бил» сорок поклонов, но с амвона Катю увидел!

Шестого января было крещение. Каждую зиму мы ходили на берег Оби смотреть «моржей» того времени. На льду были вырублены проруби в форме креста или обыкновенная прорубь, но с часовой над ней, выложенной из льдин, выпиленных в виде кирпичей. На— берег сходилась много зевак. Около проруби находились священники (служили молебен). Смыть с себя грехи можно было только в этот день в году. Эта процедура протекала так: к проруби подъезжали сани. В них лежал голый человек, закутанный в тулупы. Священник благословлял грешника, и он прыгал в прорубь. С округлившимися глазами от холода, захватывающего дыхание, человек трижды окунался с головой. Затем с ярко-красным телом, как ошпаренный, выскакивал из проруби на пронизывающий ветер, иногда при сорокаградусном морозе. Священник что-то скороговоркой бормотал, крестя избавившегося от грехов, а человека заворачивали в тулупы, укладывали в сани и вскачь увозили домой.

Но гораздо больше было таких желающих избавиться от грехов, которые не имели своих лошадей и денег, чтобы нанять их. Но они были глубоко убеждены, что избавиться от грехов можно только таким мучительным способом. Люди раздевались догола на ветру и морозе, крестились и бросались в воду. Одеться им помогали добровольцы из толпы. Находились и сердобольные люди, которые увозили «счастливчиков», избавившихся от грехов.

Старинный русский праздник масленица, на переломе зимы и весны, христианство приурочило к «сырной неделе» перед началом великого поста. Во время этого поста не разрешались увеселения и полагалась только постная пища без мяса, молока, за исключением трех дней, когда можно было есть рыбу, но только мелкую: ершей, чебаков и почему-то налимов. Три дня в школах не учились, а учреждения были закрыты.

Наша семья не признавала поста; ели «скоромное», но утро первого дня масленицы всегда будило меня традиционными запахами кухни: там пеклись гречневые блины, стряпали пироги и варили в масле хворост. По вечерам семьями ходили в гости.

Молодежь на коньках каталась на городском пруду и на санках или на листах фанеры с катушек, которые строили еще летом, деревянные, высокие, а зимой обливали водой и делали ледяными.

Все три дня на главной улице Барнаула устраивались катания на лошадях. В санях, розвальнях и в кошевах жители съезжались на Пушкинскую улицу и начиная от реального училища ехали друг за другом до Оби. Там поворачивали и ехали по той же улице обратно с песнями, гармошками, звоном колокольчиков и бубенцов под дугами и на шеях лошадей. Как на свадьбу, лошади, сбруя, дуги разукрашивались лентами и бумажными цветами. Сзади на сани набрасывались ковры. К полудню на Пушкинской улице скапливалось так много подвод, что образовывалось два потока друг другу навстречу. Вновь приезжающим из соседних улиц и переулков приходилось ждать, пока не появится перерыв в сплошном потоке, чтобы захватить и влиться в праздничное катание. У кого не было собственной лошади, нанимали извозчиков. Молодежь складывалась и нанимала ямщицкие тройки с обширными кошевами, ехали в них с песнями и даже умудрялись плясать.

Каждый год в эти дни у нас тоже запрягали в санки Гнедка, а сзади саней набрасывалась плюшевая скатерть с круглого стола из комнаты отца, за которым он принимал посетителей. Ковров отец в доме не признавал, считая это мещанством. Я с гордостью восседал на облучке вместо кучера и правил лошадью, а концы вожжей отец все же держал в руках.

Гнедко нехотя шагал, то и дело отставая от едущих впереди. Но когда от Оби поворачивали обратно, у коня лень как рукой снимало, он начинал торопиться домой. Мне приходилось изо всех сил тянуть одну вожжу, чтобы Гнедко не вышел в сторону из общего движения. Тогда он рвался вперед, наступал на сани едущего впереди и брызгал пеной на ковер и даже толкал мордой в спину едущих впереди.

– Забери вожжи у мальчишки! – орали на отца из передних саней.

Зимой почти каждое воскресенье на льду огромного городского пруда, покрытого снегом, собирались большие толпы парней. Еще больше зрителей приходили на берег. С одной стороны, это были жители нагорной части Барнаула, с другой – жители нижней части и центра. Это два враждующих лагеря (только по воскресным дням) на льду пруда.

Сначала парни обоих лагерей стояли на почтительном расстоянии друг от друга, выкрикивая хвастливые задиристые подзадоривания. Начиналось все словно для потехи. Наконец, не выдерживали первые двое и выходили в промежуток между толпами «нагорных» и «зайчакеких». Начиналась борьба под свистки и ободряющие крики с обеих сторон. Кто-то из двоих побеждал, к тогда выбегало сразу несколько пар. Страсти накалялись, неслись оскорбительные выкрики, из одного лагеря в другой летели обломки кирпичей. Снег на льду окрашивался кровью. Наконец, враждующие с криками бросались друг на друга всем скопом, стенка на стенку. Если кто падал, того не трогали – лежачего не бьют! Этого гуманного правила все строго придерживались.

На берегу пруда, позади толпы зрителей, в восторге кричавших и подзадоривающих дерущихся, наряд конной полиции терпеливо ждал, когда борьба перейдет в драку. Привязав лошадей к забору, городские в черных шинелях, с шашками и револьверами в кобурах на красных шнурах, приплясывали на морозе, размахивали руками, грелись, как могли, ожидая, не начнется ли драка, чего им было приказано не допускать.

А свалка на пруду все разгоралась. Крики становились все громче и сердитей.

– Зачалось, однако, недозволенное! – раздавалась команда, и конные городские карьером вылетали на заснеженный пруд с грозными окриками:

– Ра-а-а-зойдись!!!

Нагайки городских начинали свистеть по спинам драчунов. Весь азарт у парней сразу снимало.

Пруд пустел, а зрители на берегу расходились, обсуждая и споря. А городские выносили на берег тех, кто не мог встать. Телефона тогда поблизости не было, и один из городских уезжал в город за каретой «скорой помощи».

Эти кулачные бои устраивались в Барнауле исстари. В других сибирских городах кузнецы бились с гончарами, медники с суконщиками, варенные с городскими. У нас в Барнауле существовал явный антагонизм между гимназистами и реалистами. Даже косились друг на друга гимназистки двух женских гимназий – казенной, косившей коричневую форму, и частной – в синих форменных платьях.

Мне всего один раз удалось посмотреть на кулачный бой на пруду в Барнауле. Но зато во всей красе. Мой закадычный друг детства Степа Жилин работал наборщиком в типографии, когда я учился в старших классах реального училища. Однажды он пришел ко мне за очередной книгой Жюль Верна, нашего любимого писателя тех лет. Голова у него была забинтована.

– Что с тобой, Степка? – удивился я.

– На пруду в воскресенье кирпичом задело, хорошо скользком.

Конечно, в следующее воскресенье мы вместе пошли на пруд, тайком от моих родителей, и не в форменном пальто и папахах, а в полушубках и шапках-ушанках. Мог ли я тогда подумывать, что этот грандиозный кулачный бой 1913 года, с трудом разогнанный конными городскими, был последним в Барнауле? Ранняя бурная оттепель за неделю нагнала воду поверх льда, бои прекратились до будущей зимы. Но летом началась первая мировая война. Потом революция, и кулачные бои в Барнауле прекратились навсегда.

Еще одно шумное сборище народа старины глубокой – это Барнаульская ярмарка в Екатеринбургский день 24 ноября по старому стилю. Она устраивалась ежегодно «на песках» за прудскими переулками в самом конце Сузунской улицы. Там заблаговременно строилось множество временных ларьков, навесов, прилавков и палаток.

Первый раз мне удалось побывать на ярмарке лет семи. Она навсегда запомнилась. Маме нужно было проверить там работу ларька Красного Креста. Отец повез нас туда, но сам остался с лошадей – кругом шныряли цыгане, прославленные конокрады. Мама повела меня за руку, и мы сразу оказались среди шумной толпы.

Я прямо остолбенел, увидев ларек, отделанный Вяземскими пряниками. А там, за прилавком – филипповские, мятные, медовые, московские и другие пряники. Разное печенье, конфеты. Над ларьком вывеска: «Изделия купца первой гильдии Зудилова».

– Мама, купи... – пролепетал я, тормозя валенками и упираясь.

– Ни в коем случае! Я покупаю сладости только в магазине. И она потащила меня дальше: мама была медичка, и ей всюду мерещились заразные болезни.

Чего тут только не было кругом! Ларьки с мануфактурой, игрушками, горы замороженных целиком туш свиней, овец, коров, рябчиков, тетеревов, белых куропаток. Рядом за прилавками торговали морожеными пельменями, фруктами, коричневой пастилой из яблок, свернутой рулоном, как толстая коричневая бумага. «Тормозил» я и около кукольного театра, у цыган с медведем, около скоморохов. Но мама волокла меня дальше, все больше торопясь. Наконец, потеряв надежду найти ларек Красного Креста, она спросила городского.

– Наспротив ево, барыня, извольте стоять! – простуженным на морозе голосом ответил он и козырнул.

И в самом деле, мы стояли около ларька Красного Креста, но он был закрыт на замок!

Так мы и вернулись домой, ничего не купив. Но вяземских пряников по дороге в магазине мама купила полфунта.

На Конюшенной площади, между цирком-шапито братьев Коромысловых и реальным училищем устраивался небольшой филиал ярмарки. В Дунькиной сосновой роще работала под легким навесом «Обжорка» торговки в белых передниках продавали мороженые пельмени.

Покупателю пельмени тут же варили. Здесь устраивались соревнования: бег в мешках, катанье на круглых бревнах, подъем по столбу и другие увеселения.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

В начале лета 1914 года отец настоял, чтобы я съездил к родственникам в село Спирино на берегу Оби. За несколько лет никто из нас там не был, и родня стала обижаться. Поездка на пароходе и неделя жизни в деревне пролетели незаметно. Перед отъездом в город я пошел в последний раз в бор.

Почти всех птиц я тогда уже знал, встречая в Куратовском бору рядом с нашей заимкой. И здесь стучали также пестрые дятлы. Выводок больших синиц с желтыми грудками и продолжными черными полосками перепархивал с сосны на сосну. Бурундук уселся столбиком, свесил хвост, словно пробормотом разделенный на две стороны. Он придерживал гриб передними лапками, а я записывал в тетрадку мелким почерком, как он ест.

На краю мохового болотца внезапно взлетел огромный глухарь с таким шумом, что я не на шутку испугался, пока не сообразил, кто это. Глухаря я видел впервые, но сразу узнал по рассказам отца.

Побродив по лесу, я зашагал к дому своего дяди, чтобы ехать домой. Дядя жил в старинном селе. Здесь почти в каждом доме жили Зверевы. Какую бабку или деда ни спроси – они обязательно начинают рассказывать, что произошло от братьев Зверевых, казаков, которые пришли в Сибирь с Ермаком. С тех пор поселились у Оби и поставили крепкие дома из круглых сосновых бревен. Дома эти были с нарядными резными украшениями на ставнях, наличниках и воротах.

Около дома дяди и по всей улице пели и плясали подвыпившие новобранцы (была объявлена германская война). Новобранцев провожали родные, знакомые, соседи – с плачем и причитаниями. Утром, когда я уходил в лес, село было тихое, теперь же изменилось до неузнаваемости. Из окон смотрели заплаканные старухи. У ворот стояли телеги.

Я вошел в кухню, в которой красовалась большая расписная печка. Тетя Настя увидела меня и всплеснула руками:

– Войну царь-батюшка объявил. Скоро пароход подойдет, собирайся. Вот беда-то: у нас в деревне половину мужиков забрали, сегодня на пристань гонят. Скоро одни бабы останутся. Что делать будем, одни-то?

Она металась по кухне, без умолку тараторя. Наконец сказала:

– Иди, Максим, молока поешь с хлебом, садись за стол.

Там уже сидел незнакомый бородатый человек в сильно поношенной одежде.

– Здравствуйте, – сказал я, поняв, что это каторжный. Либо он отбыл срок и возвращался домой, либо беглый.

Сибирские крестьяне уважительно относились к людям, наказанным царским законом. Они всегда кормили их, давали на дорогу.

– Здравствуй, сынок, – сказал добрым густым басом чужой человек, кладя кусок сала на ломоть хлеба. – Хорошие сибирские люди, – продолжал чернобородый незнакомец. – В любом доме поесть дадут – не обидят, не унижат!

– У нас все родом из казаков, – сказала тетушка. – Люди вольные. – И показала на полати возле печки: – Иной раз вот тут частенько ночуют такие, как ты, и на лежанке, и на полу. А вы откуда?

– Я восемь лет в шахтах прогорбатился за Читой, где когда-то декабристы были. Теперь домой иду. Освободили.

Тетушка покачала головой и горестно вздохнула.

– Поди, Максим, самовар раздуй да из амбара сухих грибков прихвати для матери.

Я взял ведро и зашагал к единственному на всю деревню колодцу с прикованным на цепи ведром.

Наполнив большой медный самовар, я разжег его и раздул старым сапогом. Подошел к амбару из добротных бревен, снял висячий незакрытый замок, что красовался больше для авторитета, чем для дела: воров-то в деревне не было, а бродячие люди не воровали. Если что надо, они так просили – им давали. Амбар был мужицким складом, где хранилось всякое нужное для крестьянина добро. В сусеках находились зерно и мука, по стенам висели золотистые связки лука, чеснока, сушеных грибов. Под навесом – расписные дуги, сбри, стояли сани, самолично сделанные дядей. Мужики сибирские любили жить крепко.

Выбрав связку беленьких, что помельче, я отнес грибы в дом. Самовар уже начинал ворковать. Сосновые шишки потрескивали в раскалившейся трубе. Медали на груди тульского красавца весело сверкали на солнце.

Самовар вскипел, я снял трубу, прикрыл верх медным колпачком, принес и поставил самовар на поднос, расписанный, как и печка, яркими цветами.

– Ну вот, мы сейчас чайком побалуемся и на пароход, – сказал прохожий человек.

– Я тоже еду! – с гордостью сказал я.

– Вот хорошо-то! Вдвоем оно как-то легче, и дорога покажется короче.

Услышав мычание во дворе, тетя с подойником пошла встречать корову, но вскоре вернулась, вся в красных пятнах на лице от негодования:

– Вы поглядите, что они, охальники, с моей Машкой сделали!

Мы вышли на задний двор. Машка жалобно мычала. Сейчас она была как фокстерьер с коротким хвостом. Пыталась этим огрызком хвоста отмахиваться от мух, ко ничего не получалось.

– У нас все коровы в деревне через прохожих людей без хвостов остались, – жаловалась тетка.

– Что поделаешь? Люди с каторги возвращаются, довольствия им на дорогу не дают, вот они из коровьих хвостов супы и варят. Кур да гусей никто не ворует, а корове хуже не станет, если хвост будет короче.

– Это правильно, кур у меня никто не воровал. Только что же теперь моей кормилице вместо хвоста веник привязывать – от слепней отмахиваться? Пришли бы лучше ко мне, я накормила бы, а то над скотиной изголялись!

– Значит, нельзя было человеку в деревне показаться, тайком пробирался домой, – пояснил прохожий человек.

Долго еще негодовала тетя Настя. А молока корова с перепугу не дала ни капли.

Пароход дал первый предупредительный гудок.

– Это для нас, паренек. Будем поторапливаться.

Тетушка взглянула на старинные часы с кукушкой и забеспокоилась:

– Торопитесь, скоро «Илья Фуксман» отходит!

На пристани она перекрестила и поцеловала меня, а на чернобородого даже не взглянула, сделав вид, что не знает его. Долго еще тетушка смотрела вслед белому двухпалубному пароходу.

На пароходе ехала рота солдат. Они сели в Новониколаевске и с трудом разместились в третьем классе. Командир роты занял каюту первого класса. Утром басовитый пароходный гудок прокатился над рекой. Я вышел на палубу. «Илья Фуксман» тихим ходом подваливал к пристани села Камень.

На берегу гудела толпа призывников и провожающих. К самому берегу их не подпускала цепь городских в черных шинелях, с пашками и револьверами на красных шнурах. Полицейский надзиратель в офицерской светлой шинели что-то кричал толпе, грозя кулаком в белой перчатке.

С парохода спустили трап. На него, к удивлению пассажиров, с парохода вышли солдаты с винтовками и стали в два ряда по краям, образуя живой коридор. Офицер скомандовал. Сол-

даты вскинули винтовки и зарядили их на глазах притихшей толпы на берегу. Только теперь с парохода стали выпускать приехавших в Камень пассажиров и впускать новых.

Посадка быстро закончилась – желающих ехать в Барнаул было всего несколько человек. Под конвоем на пароход завели двух арестованных офицеров. За ними солдат нес их шашки и португепи. На пароход с шумом и руганью хлынули призывники. Почти все были пьяные. Некоторых тащили под руки. Провожающих солдаты на пароход не пустили. Толпа на берегу разразилась причитаниями и плачущими воплями.

С ружьями у ноги солдаты бегом вернулись на пароход. Сходни и чалки торопливо убрали. «Илья Фуксман» проревел басом сразу три отвальных гудка, без обычных первого и второго.

– Полный вперед! – раздалась команда капитана. Рядом с ним стоял командир роты, настороженно смотря на толпу у пристани.

Едва пароход отошел, как среди пассажиров началось тревожное перешептывание.

– Говорят, все монополки в деревнях запасные разгромили? – спрашивала пожилая женщина соседку, севшую на пароход в Камне.

– Подчистую, матушка, ни единой не осталось!

– А у нас не то что кабаки – магазины разгромили купеческие, – добавил старик в поношенном пиджаке. – До старости дожил, а такого охальства не видывал.

– Господа-то офицеры чем провинились?

– Говорят, не приняли строгих мер, вот и к ответу....

Среди пассажиров слухи ползли сначала шепотом. Люди оглядывались и даже крестились. Кто-то сказал, что Барнаул сгорел дотла. Ему стали возражать. Спор разгорелся. Вскоре пароход наполнился испуганным громким говором.

В течение дня «Илья Фуксман» несколько раз причаливал к селам на берегу. И опять по обеим сторонам сходен выстраивались солдаты с винтовками и шла посадка призывников, под плач и причитания провожающих.

Наступила ночь. Призванные из запаса, опустошив бутылки с вином, взятые из дома, недружно пели на нижней палубе и корме. Играли сразу две гармошки. Кто-то ругался, кто-то всхлипывал.

– Пожар, пожар! – вдруг раздалось с Верхней палубы.

– Какой пожар? Где?

Ночное небо действительно светилось заревом в той стороне, где должен быть Барнаул.

– Небось запасные буянят перед фронтом, – хмуро сказал старый крестьянин в черном картузе. – Понаехали подводы с провожающими, тут слезы, тут пьянки, а там понеслось!

Крестьянин оказался прав. Утром пароход не мог пристать к дебаркадеру, потому что он горел, а другие уже сгорели. Капитан приказал бросить сходни прямо на берег, опасаясь, как бы не подождли и его пароход. Запасные с криками вывалились на берег.

– Пошли казенку громить! – крикнул кто-то, и толпа устремилась к винному складу.

Высадив всех, пароход отошел на середину реки и бросил якорь.

Я вышел со своим узелком с гостинцами в город и попал в самую гущу событий. Те, кого царское правительство гнало на бессмысленную войну, выражали свой протест самым буйным и пьяным образом. Летели камни в стекла магазинов. Чиновники разбежались из учреждений по домам. Полиция и воинский начальник спрятались. Город был во власти новобранцев. Пристани, пакгаузы и склады Барнаула пылали. Сгорели три улицы около пристани. Лишь одна пристань не пострадала. Ее отстаивала администрация пароходства. Седой капитан что-то пытался говорить пьяному плечистому новобранцу, но тот вдруг схватил его за мундир и отбросил в сторону. Толпа ворвалась в буфет, и вскоре здание окуталось красно-желтым пламенем.

Из двухэтажного винного склада за городом тащили водку и спирт. Люди шли шатаясь, ползли, валялись в канавах, на полу и в коридоре винного завода.

А толпа уже направилась в центр города. Полетели камни в зеркальные стекла большого магазина Морозова. Вскоре оттуда стали появляться люди с тюками материи, с мешками, набитыми обувью и бельем. Толпа бросилась к огромному смирновскому пассажи, занимавшему целый квартал. Выломала двери, ворвалась в первый этаж магазина и устремилась на второй, где помещались страховое общество «Саламандра», «Русский для внешней торговли банк»...

Я стоял в подъезде какого-то дома, испуганно выглядывая оттуда. Железные жалюзи были спущены на всех окнах магазина. Внутри было темно. Из дверей выбегали люди с награбленными товарами.

Вдруг в конце улицы показались солдаты. Они шли рядами, с винтовками на плечах, сверкая штыками. Впереди – полицейский пристав и офицер, который приехал на пароходе «Илья Фуксман» с этими солдатами. Толпа перестала шуметь, но и не разбежалась.

Офицер что-то скомандовал. Солдаты построились вправо и влево двумя шеренгами, перегородив улицу. Офицер и пристав оказались позади солдат.

Как сейчас помню слова команды, сразу, без предупреждения:

– Первая шеренга с колена, вторая стоя, прямо по толпе – взвод... пли!

Грянул залп! Вслед за ним сразу же защелкали затворы винтовок.

– Пужают это! – крикнул кто-то. И голос утонул в общем вопле ужаса, когда увидели падающих, убитых и раненых. Толпа бросилась врассыпную, я тоже кинулся бежать. Плохо помню, как я оказался на краю города, но в памяти до сих пор осталась команда, грохот залпа, звон разбитых окон в домах – большинство солдат выстрелило вверх толпы. Однако нашлись и службисты – в толпе раздались тупые шлепки от пуль, ударивших в людей, крики и стоны раненых.

Немного пришел в себя, когда оказался за городом, все еще переживая увиденное.

Так я увидел, как умирают люди...

– Чего несешь, сопляк? – остановил меня казак с нашивками урядника на погонах, нагибаясь в седле и обдавая меня запахом алкоголя. За плечами у него был карабин, с левого бока шашка, на руке висела знаменитая нагайка, хорошо знакомая беспокойному студенчеству. Казаки только что прибыли на усмирение из Новониколаевска.

– Книги и гостинцы, – ответил я, – в деревне был, а сейчас возвращаюсь домой.

– Значит, в чужое лапу не запускал? – спросил казак, развязал узелок с гостинцами и с удивлением рассматривая книгу «Птицы России».

– А зачем мне чужое? Я домой иду!

– Мне тоже охота к себе в станицу, а вот служба. Стой тут и обыскивай каждого встречного и поперечного.

Завязав узелок и мысленно обрадовавшись, что казак не огрел меня нагайкой, я зашагал дальше, на займку, все еще ошеломленный пережитым ужасом и находясь словно во сне...

Потом рассказывали, что солдаты больше не стреляли. Они окружили выломанные двери и хватали выбегающих людей с награбленным. Казаки уводили их в тюрьму. Люди перестали выбегать, боясь быть схваченными. Но вдруг обвалился горящий потолок и завалил выход. Многие погибли в огне.

Радость матери по поводу моего благополучного возвращения была безгранична...

В тот день отец приехал из города вместе с известным путешественником Г. Н. Потаниным. Он всегда бывал у нас, когда проезжал из Томска, направляясь на Алтай.

Григорий Николаевич начал рассказывать, что был у начальника Алтайского округа Михайлова. Генералу уже известно, что в Сараево было не простое убийство. Это Германия спровоцировала своего союзника Австро-Венгрию начать военные маневры. Серб Гавриил Принцип выстрелил в наследника австрийского престола. Сейчас же сербам предъявили невы-

полным ультиматум и началась война. Но Россия связана с сербами договором и, значит, тоже втягивается в войну против немцев и австрийцев. А за нами и наши союзники – Англия и Франция. Значит, мировая война неизбежна.

– Какой ужас. Григорий Николаевич, вам лучше вернуться в Томск. Отложите поездку на Алтай – наступает тревожное время, – посоветовала моя мать.

– Пожалуй, вы правы, Мария Федоровна. Но все-таки я дня на три задержусь в Барнауле. Может быть, шумихи не будет и все еще уладится.

Встрешенный отец сказал:

– Старый дурак, наш воинский начальник, объявил призыв в армию сразу огромного количества людей. Тысячи призывников потекли в город из окрестных деревень. Они запрудили телегами все улицы и площади.

Кабаки и магазины закрыты были еще вчера, и в городе спокойствие не нарушалось. Но, оказалось, ночью кабаки разбили, новобранцы перепились и, говорят, сейчас бросились громить винный склад. Они обязательно его подожгут. Все учреждения сегодня закрыты. Полиция ушла в подполье, – улыбнулся отец. – Говорят, как только новобранцы увидят городского, хватают, срывают с него шашку, револьвер, форму и в одном белье провожают пинками под улюлюканье и хохот! Максим только что рассказал, как грабили магазин Смирнова.

Мать всплеснула руками, и ее большие глаза сделались еще больше.

– Поедемте и посмотрим с горы около пожарной каланчи на город. Оттуда все видно, как ка ладони! – предложил отец.

Мы уселись в тележку, и отец быстро повез нас мимо детского приюта, озера, выехал на Змеиногорский тракт. Вдали показалась пожарная каланча. Она стояла на самом краю горы, и от нее был виден весь город.

Отец привязал коня к чьему-то забору, и мы подошли к краю обрыва. Ближайшие улицы и базарная площадь были заняты тысячами подвод. Ржали лошади, кричали пьяные, многоголосый говор стоял над городом. Около заборов, в тени, спали люди. А подводы с новобранцами все прибывали и прибывали, в облаках пыли, со скрипом колес и криками людей. Они останавливались на окраинных улицах. Вместе с призывниками приезжали из деревень провожающие их семьи, и скопление людей получилось страшное.

Звуки гармошек, пьяные песни призывников, разграбивших кабаки, вместе с тучами пыли над городом – все это создавало тревожную, необычную картину.

Вокруг нас собирались люди, тоже желающие взглянуть на город.

– Ишь как орут, окаянные, перепились, язвы их, даровой водкой! – возмутился купец с окладистой бородой, в черном жилете и синей ситцевой рубахе.

– Так и до греха недалеко, ваше степенство. А ну как магазины зачнут громить, не приведи господь, как в девятьсот пятом? – зашамкала рядом стоящая старушка и перекрестилась.

– Ишо бы то че? Полиция не допустит, – уверенно сказал купец.

– А игде она, полиция-то, ваше степенство? Городовым и то жизнь, однако, дорога. Усе попрятались, ни одного полицейского крючка не видать.

– Да разве имя мыслимо управиться – насупротив их тыщи, – вмешалась в разговор женщина, прибежавшая из соседнего двора с мокрыми руками и в переднике в мыльной пене.

– Сказывают, дитятки мои, Степаниды фатерант¹⁰ – околodoшный нагишом прибег домой. Усе их благородие в синяках – зато охальники над имя изголялись, – добавил седой старик, опираясь на палку, совершенно равнодушным голосом, словно радуясь случившемуся с околоточным надзирателем.

¹⁰ Фатерант – Квартирант? (примечание редактора)

В это время по взвозу к пожарной каланче поднялся пьяный босой парень. В ушки сапог он продел ремень, повесил на шею. В каждом стояло по стеклянной четверти с водкой. Пошатываясь, парень руками придерживал сапоги с четвертями.

– Ты чево энто, стервец экий, в кабаке водку спер? А? В чижовке, видно, не сидел ишо на воде и хлебе, ворюга окаянный, – не вытерпела одна из женщин.

– Хто, я – вор? – огрызнулся парень. – Всем раздають на винном складе. От ево до города народ вповалку лежит пьяный. А хто ишо моет, несуть, да не по две четвертухи, а по четыре: в сапогах на шее и в руках. Мне далече до дому, две бросил и энти две едва волоку.

Не успел договорить, как далеко на окраине города, над винными складами, возникли черные клубы дыма.

– Так и есть, подожгли! – воскликнул отец.

И в ту же минуту с каланчи ударил набат. Сразу же пожарный в медной каске распахнул широкие ворота пожарной, перед ними стояла пожарная машина. Хомут с дугой для коренника был прикреплен гужами к оглоблям и подвешен. По бокам висели два хомута для пристяжных. Из конюшен, грохоча копытами по деревянному полу, выбежали гнедые сытые кони. Они сами вставили головы в хомуты. Пожарные только набросили шлеи, быстрыми движениями закрепили упряжь и вскочили на пожарную машину. В это время так же быстро выдрессированные лошади само-запряглись в красные телеги с бочками.

Прошло всего несколько минут после первого удара набата, а тройка с пожарной машиной с места в карьер вынеслась за ворота. За ней поскакали парные упряжки с бочками. Звуки сигнального горна и звон колокольчиков под дугами стихли вдали.

Далеко в городе бил набат центральной пожарной. Но что могла сделать горстка пожарных с разбушевавшимся огнем на винных складах?

Как потом выяснилось, кто-то вырвал кляп из бочки со спиртом, швырнул спичку. Большое здание запылало, наполненное людьми, потерявшими способность двигаться. Это было страшное зрелище. Трагедия неумолимого протеста людей, не желающих своей бессмысленной гибели на войне и ставших жертвами дикой, необузданной огненной стихии...

– Митя, сейчас же едем отсюда! – настаивала мать и направилась к лошади. Отец пошел за ней, а я бросился отвязывать Гнедка.

Весь день никто не отлучался с займки. Дым над городом был хорошо виден с нашей крыши. Меня с трудом уговорили спуститься. Всю ночь мать не могла уснуть и утром встала с головной болью. Отец оседлал Гнедка и решил съездить посмотреть, что творится в городе. Его долго не было. Мать начала волноваться. Наконец заржал конь и отец въехал в открытые ворота. Мы бросились к нему.

Можете себе представить, в городе полное спокойствие! – воскликнул отец, спрыгивая с лошади и подавая мне повод. – У Воинского присутствия огромные очереди новобранцев. Словно ничего не произошло. Догадаетесь, что усмирило новобранцев?

– Ну же, говори скорее! – заторопила мама.

Воинский начальник, оказывается, успел дать телеграмму в Новониколаевск, прежде чем нырнул «в подполье». Из Новониколаевска прискакали казаки. Человек сорок, с хорунжим и урядником. Мгновенно по городу разнеслось—«казаки приехали». И все сразу присмирели. Я сам видел, как верховые по двое и трое разъезжают по улицам. Десятки тысяч смирились перед горсткой казаков. Вот на чем держится трон – на их нагайках, – с возмущением сказал отец.

Мама испуганно оглянулась и прижала палец к губам.

К вечеру на улицах появились робкие фигуры конных и пешех городских. На пристани шла посадка новобранцев на баржи и пароходы. Мобилизованных со всего верхнего плеса будущих солдат повезли по реке в Новониколаевск, к железной дороге, умирать «за веру, царя и отечество!»

Такие же разгромы призывниками винных лавок и магазинов произошли в Старом Кузнецке и в Камне.

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

К реальному училищу лихо подкатила тройка вороных.

Двое конных городских сзади, все в пыли, спрыгнули с седел и подхватили под уздцы разгоряченных коней. Из коляски вышел начальник Алтайского округа Михайлов. Пальто с синими генеральскими отворотами было небрежно брошено на плечи. На крыльце его встретил директор училища Галанин Валерьян Николаевич:

– Пожалуйте, ваше высокопревосходительство!

Швейцар в ливрее широко распахнул двери. Генерал и директор прошли в училище.

– К чему бы это? – удивлялись реалисты.

– Будет на экзаменах присутствовать.

– Такого еще не было, чтобы сам начальник округа – и на экзамен!

Скоро все стало понятно. В класс вошел бочком сухонький директор:

– Господа! Вы знаете, что второй год идет война. Более половины помощников лесничих призваны в армию. Леса кабинета его величества остаются на произвол судьбы. Этого нельзя допускать. К экзаменам на аттестат зрелости нам добавляются еще предметы по лесному делу. Их будет преподавать вам старший лесничий округа господин Абрамов. Выпускные экзамены совпадут с экзаменом на звание помощника лесничего.

Когда я дома рассказал, что нас будут готовить в помощники лесничих, отец улыбнулся:

– Я, пожалуй, не против – ты в лесу родился, и я тоже, значит, на роду у нас написано: дружить с лесом.

Предметы по лесному делу оказались очень интересными: знакомство с пантометром для проведения прямых углов при прокладке просек, техника тушения пожаров, лесоразведение и многое другое.

В воскресенье отправились на первые практические занятия в бор. Абрамов остановил лошадей около лесного кордона, из домика выбежал объездчик в форменной фуражке, с зелеными кручеными погонями, придерживая рукой кобуру с тяжелым барабанным револьвером на зеленом шнуру. С рукой у козырька фуражки объездчик отрапортовал:

– Ваше высокоблагородие, в объезде Лебяжьем происшествий не случилось!.. Объездчик Милентьев.

Пока он рапортовал, Абрамов стоял по стойке смирно, приложив руку к козырьку. Это удивило реалистов:

– Смотрите, как у военных!

– Вот это порядок!..

Наступило время, когда был сдан последний выпускной экзамен. Наутро большое двухэтажное здание реального училища выглядело особенно торжественно. Выпускники были одеты с иголочки, каждый старался выглядеть старше, чем он есть. Все мы собрались еще до звонка. Наконец он прозвенел – последний звонок в школьной жизни, и все направились в зал. Как обычно, выстроились все семь классов. Дежурный прочитал молитву «Отче наш». Обычно после этого крестились и расходились по классам. Но сегодня после молитвы ученики остались на месте. Вошли учителя в парадной форме – длиннополых синих сюртуках со сверкающими пуговицами, со значками об окончании высших учебных заведений на правой стороне груди. Позолоченные эфесы шпаг с кистями выглядывали из прорезей в карманах с левой стороны. Но самым нарядным выглядел поручик – преподаватель военного дела. На нем вместо обычных погон были золотые эполеты, серебряный пояс туго стягивал стройную фигуру. Вместо пашки сабля в блестящих никелированных ножнах до пола, с темляком на красной анненской ленте. Мы знали, что на лезвии было выгравировано «За храбрость». Поручик отличился на войне с Японией и был награжден серебряным оружием.

Директор, тоже в нарядном мундире генерала со шпагой, подошел к столику и произнес речь:

– Господа! – он посмотрел на нашу группу в 25 выпускников в первых рядах (обычно в первых рядах стояли младшие классы), – Поздравляю вас, господа, с окончанием реального училища. Теперь вы должны служить Отечеству и нашему государю— императору!.. – Долго еще говорил директор напутственную речь, а когда окончил, мы робко крикнули «ура», преподаватели зааплодировали.

Началось вручение удостоверений и аттестатов зрелости в порядке успеваемости. Дошла очередь и до меня – впервые я почувствовал рукопожатие директора. Чиновник из Алтайского округа каждому из нас вручил удостоверение помощника лесничего.

Как-то нехотя мы вышли из стен нашего реального училища и медленно пошли по Пушкинской улице, на которой за семь лет изучили каждую щель на деревянных тротуарах.

Начальник Алтайского округа обещал сыну в день окончания училища дать на два часа автомобиль. В то время это была единственная машина в Барнауле – предмет жгучей зависти барнаульских купцов-миллионеров. Володя Михайлов пригласил прокатиться меня и Бориса.

Впервые в жизни я увидел тогда автомобиль. Машина заграничной марки была открытая, без тента, с железным полом, а сиденья были мягкие, кожаные, как у дорогой коляски. Руль был справа, рычаги переключения скоростей находились на подножке сбоку. Чтобы переключить скорость, шофер высовывал руку за борт.

Автомобиль ждал нас на Пушкинской, недалеко от училища. С замиранием сердца я сел рядом с шофером, и мы поехали. Первое, что поразило меня, это быстрота и легкость, с которой машина помчалась по песчаным улицам города, заволакивая за собой весь квартал непроглядной пылью. Лошади шарахались в стороны, мужики срывали с себя пиджаки или рубахи и закрывали ими глаза лошадям. С поразительной быстротой мы приехали на дачу начальника округа в бору около речки Барнаулки. Потом шофер свозил нас за город на Гляден, так называлась возвышенность с замечательным видом на неоглядную пойму Оби. Наконец он подвез меня к свертку со Змеиногорского тракта на нашу займку. И все это за час с небольшим, как в сказке!

Торжественный обед состоялся на веранде. Отец в этот день не опоздал и приехал к четырем часам – к моему изумлению, с Григорием Ивановичем, с тем самым человеком, с которым мы плыли на пароходе «Илья Фуксман» после объявления войны. Оказалось, что отец с ним на «ты», как с хорошим товарищем. На обеде была и мать моего друга Бориса. Отец его находился в командировке.

Я сидел, немного смущенный вниманием ко мне взрослых, с жаром рассказывал о поездке на автомобиле и о вручении документов об окончании училища. Не утерпел рассказать и о парадной форме офицера. Отец вдруг перебил меня и сердито сказал:

– Офицеры так разряжены, чтобы заметнее была разница с простыми солдатами – легче посылать послушных, приниженных рядовых умирать за царя!

Наступило неловкое молчание.

– А вы знаете, молодые люди, – обратился к нам Григорий Иванович, – сколько погибло русских людей в результате этой бойни, затеянной правительством? Миллионы! Сразу мобилизовали столько народу, что винтовок не хватало. В атаку ходили трое с одной винтовкой, у двоих были лопаты. Немцы жарят из пулеметов, солдаты бегут вперед, кричат «ура, за веру, царя и отечество», а если кто упадет с винтовкой, ее хватает «лопатошник».

– Неужели это правда? – удивился Борис.

Да, так было в начале войны, а потом привезли из Америки такие же винтовки, как наши, системы «Ремингтон», – сказал гость и продолжал: – У меня брат служил врачом в гусарском полку. Он рассказывал, как по-глупому бросили вперед кавалерию на австро-венгерском фронте, без артиллерии и пехоты. Тылы отстали, полки стали отступать. Его полк попал в

засаду, пулеметами скосили половину солдат, пока прорвались по дороге дальше. Полковник был ранен в живот. Мой брат положил его в санитарную повозку и с белым флагом повез в австрийский городок. Там врачи сделали операцию полковнику, но он умер, а брата отправили в лагерь для пленных. Ему удалось бежать через Италию, по возвращении он снова попал на фронт и сейчас в госпитале, смертельно раненный, умирает.

Отец и его друг долго еще рассказывали нам, что трон держится только на штыках. Впервые тогда мы узнали о Распутине.

Мы слушали с Борисом, притихнув, поражаясь, что впервые, как со взрослыми, отец и его друг говорят с нами о положении в России. Этот день, начавшись последним школьным звонком, оказался до предела насыщен удивительными событиями. Но до нашего сознания еще не дошло, что детство кончилось.

Юность

ФУРАЖКА ЛЕСНИЧЕГО

В Бобровском лесничестве встретили меня с радостью.

Небольшая деревенька Бобровка, в двадцати верстах от Барнаула, раскинулась среди соснового бора на берегу Оби. Старожилы-сибиряки жили зажиточно. В каждом дворе амбары, поднавесы, многие дворы сплошь крытые, земли – сколько угодно. В дальнем углу деревни главная улица была перегороджена забором из жердей – пряслами. Широкие ворота открывались со скрипом. За этими воротами жили новоселы – переселенцы из европейской части России. Плохонькие домишки, беднота, полуголые босые ребята, изможденные лица взрослых. Почти все переселенцы работали батраками у старожилов или отработывали деньги, взятые в долг на лошадь и корову.

На молодого помощника лесничего, у которого только-только стали пробиваться усики, народ в деревне поглядывал с любопытством. Ведь я был почти мальчишка, а мне уже доверили распоряжаться лесом! Тут, в отдаленной от фронта деревне, война произвела уже немалое опустошение: всюду были вдовы и сироты.

Через несколько дней после моего приезда я выехал в бор для отвода лесосек. Наконец-то снова лес! Знакомые голоса лесных птиц, запах хвои и грибов – все как дома, на займке отца на берегу Оби.

Палатки забелели среди тальников и черемух на берегу лесной речки Бобровки. Всю ночь слышалось ее убаюкивающее журчание. И вот – утро первого рабочего дня в бору, под аккомпанемент хора пернатых певцов.

Треногу с круглым медным пантометром установили на середине просеки. Через две прорези пантометра нужно было засечь два далеких столбика, едва видимых на просеке справа и слева, а через две другие прорези вешками отмечалась линия, уходящая перпендикуляром от просеки в лес. По этой линии объездчики затесывали стволы и рубили мелкую поросль – тянули визир. Он разбил на две части лесной квартал. Казалось, все очень просто. Тем более что мне уже приходилось помогать отцу нарезать участки для лесных кордонов. Но на этот раз визир ушел в сторону и пересек квартал не по кратчайшему направлению.

– Эх, ваше благородие, зря столько стволов перетесали. Дайте-ка спробую! – седой объездчик стал на просеке по старой солдатской привычке в позу «смирно» и резко поднял руки в стороны на уровне плеч, направляя их вдоль просеки в оба конца. Затем свел руки ладонями вместе против носа и скомандовал:

– Так тесать!

И действительно, это направление оказалось точно перпендикулярным к просеке!

– Так-то вот, ваше благородие, завсегда визиры прокладываем без вашего струмента.

Это «ваше благородие» резало мой слух. У нас в семье отец ненавидел эти слова.

«Я такой же крестьянский сын, – жаловался он жене, – а они меня величают «благородие»! Единственный из чиновников в Барнауле он ходил без формы, в шляпе, пиджаке и категорически запретил статистикам по утрам приветствовать его вставанием, когда он входил в статистическое бюро. Начальник округа сначала косился на вольности заведующего бюро, а потом махнул рукой.

Более, чем с другими, я сдружился с объездчиком Лапшиным, человеком умудренным жизнью и повидавшим столько бед, что иному бы и на четыре века хватило.

Всего три месяца назад Лапшин вернулся с фронта уволенный по ранению. Был он на войне связистом, тянул провода от штаба полка к дивизии, и тут, в лесном царстве, ему поручили соединить все кордоны и контору телефоном, что он и сделал с армейским искусством. Если из канцелярии лесничества надо было вызвать пятый кордон, крутили ручку аппарата пять раз, а звонки и разговоры были сразу слышны на всех пяти кордонах. В лесничестве гордились этим новшеством – в Барнауле тогда лишь в немногих учреждениях были телефоны.

В это утро я поджидал звонка с третьего кордона. Наконец объездчик Лапшин позвонил и произнес всего три слова: «Карась зачал иматься!» Работа в лесничестве заканчивалась. Наскоро пообедав, я выехал на кордон.

Сытая лошадь, натягивая вожжи, резво катила легкую тележку. Хорошо накатанная дорога шла кромкой бора. Лес гремел песнями вьюрков, щеглов и голосами множества других мелких птиц. Всех их с вершин сосен перекрывали звонкими флейтами певчие дрозды и белобровники. А лесные коньки то и дело с пением взлетали над бором и планировали на вершины сосен.

Кордон располагался на берегу лесного озера. Тесовые ворота с замысловатой деревянной резьбой были широко открыты. Объездчик сбежал с крыльца мне навстречу в форменной фуражке и с громоздким револьвером «смит вессон» на поясе, с зеленым шнуром от него на шее (в то время объездчики и лесничие были вооружены этими револьверами, списанными в армии, а ружья им не разрешалось иметь, чтобы не браконьерничали):

– Ваше благородие, в объезде № 3 происшествий никаких не случилось!

– Здравствуй, Лапшин!

– Здравия желаю.

На этом официальная часть встречи закончилась.

– Как клюет? – спросил я, поглядывая на объездчика, еще не утратившего военную выправку.

– А вот увидите, – засмеялся Лапшин.

Клев карасей начинался, когда над самым бором опускалось солнце. Но оно было еще высоко, и, не торопясь, с удилицами на плечах мы пошли лесом на другой конец озера. Там была привязана лодка, в единственном месте, где можно подъехать к берегу через прокос в тростниках.

Сначала тропинка шла в густом сосняке, потом вышла на широкую поляну. Здесь был огород лесника.

– Что это ты в лесу картофель-то посадил нынче? – спросил я, мысленно прикидывая площадь посева.

– Нонче засуха будет, а тутотка низина, лес, вода рядом, оно сподручней. Сказываю тебе – сухо будет.

– Какой же тебе колдун сказал, что летом засуха будет?

– Пошто колдун? Пташка сказала, эвон та, – и объездчик показал рукой на лесного конька. Он как раз в это время с громким пением поднимался над вершиной высокой сосны, трепеща крылышками, и спланировал на вершину другой сосны за поляной, сменив пение на однообразное «тиатиа, тиатиа». – Как запоют, перво-наперво гнезда ищут: в ямке на земле – к сухому лету, а если наладит сперва кучку, а на ней гнездо – к мокрому лету. Вот и все колдовство.

– А ну, покажи хотя одно гнездышко, – сказал я, с трудом веря словам объездчика.

– Если сумлеветесь, айда! – и он свернул в бор.

На небольшой поляне он остановился:

– Где-то здесь, однако, – пробормотал он, осматриваясь. – Эвон оно! – прибавил он громко и показал за ломанную высохшую сосновую ветку.

Среди густых зарослей брусники я увидел в земле круглую ямку, оплетенную сухими травинками. В ней лежало пять коричнево-серых яиц с неяркими пятнышками. Птички не было. Она незаметно убежала из гнезда, взлетела где-то за кустами, а сейчас с тревожным цыканьем прыгала по веткам.

– Видал? Нисколько нонче не намостила, напрямиком на земле снеслась. Лето страсть жаркое будет, – заметил Лапшин. – А прошлый год какое было – чуть не каждый день дождь лупил. Но я на бугре картошку сажал у кордона, и урожай ядреный был. Мужики в деревне, как заосенило, с одного ведра не более трех ведер выкопали.

– Все же случайно совпало, может быть?

– Чиво? Да я от отца сызмальства обучен примечать. Как это птаха гнездо наделает, так мы и огород садим. За всю жизнь ни разу не дозволила ошибиться. Завсегда наперед угадывает. А как ее звать-то по-ученому?

– Лесной конек, еще юлой зовут.

Такие необъяснимые способности у конька крайне заинтересовали меня. Когда подошли к лодке, я сказал:

– Вот если ты покажешь мне прошлогоднее гнездо, тогда поверю!

– Трудно прошлогоднее, однако спробую. Аккурат недалече тут от лодошной пристани было под сосной. Ты посиди, а я кликну, если найду.

Лапшина долго не было. А солнце все ниже опускалось над лесом, пора было начинать рыбачить. Воздух был наполнен ароматом цветущей черемухи. От озера пахло вечерней прохладой. Я спустил лодку на воду, приготовил удочку и с нетерпением посматривал на лес.

– Ваше благородие, айда, нашел! – вдруг раздался голос объездчика совсем близко.

Лапшин стоял ка краю небольшой поляны, около толстой сосны.

– Пробег мимо сперва... На, гляди!

У самого ствола из мха была сделана кочка, а на ней остатки гнездышка, какое только что видели. Все это сооружение едва держалось, размытое дождями, но уцелело за толстым стволом. И все же эти остатки были настолько убедительны, что я только руками развел.

– Вот то-то и есть, спорщик, – улыбнулся Лапшин. – Желаете, еще одну колдунью покажу?

– Какую?

– Предсказательницу! Видите, около лодки на камыше гнездышко над водой?

– Да, это камышевки.

– Нонче эта птаха низко над водой свила, значит, жара летом будет, воды в озере мало. Прошлогоднее рядом, эвон где. Знать, весной еще догадалась, что из-за дождей летом воды много будет.

Действительно, остатки прошлогоднего растрепанного гнездышка камышевки висели на камыше значительно выше!

А карасей за вечер мы успели наловить.

По сосновому лесу Бобровского лесничества ехать погожим днем было истинным удовольствием. Сытую лошадь то и дело приходилось сдерживать, чтобы на крутых поворотах не опрокинулась легкая тележка.

Со мной был ирландский сеттер. Отец дал ему кличку Бекас за удивительную верткость и живость на охоте. Пес сразу понял, что я собираюсь ехать в лес, как только увидел, что запрягается лошадь. Бекас сейчас же предусмотрительно прыгнул в тележку, давая понять, что и он желает ехать в лес. Впрочем, это проявление инициативы еще ровно ничего не значило – в бору сеттеру делать нечего. Но собака так просительно смотрела мне в лицо умными карими глазами, прижимала уши и хвост, что я взял ее с собой.

Торная дорога по бору вышла на берег лесной речушки, и копыта простучали по мостику, потом она опять запетляла между вековыми соснами. В кронах попискивали синицы, громко

прокричал поползень, раздавалось кукование. Пестрый дятел, не обращая внимания на человека, словно прилип к стволу и тюкал по нему на весь лес.

На берегу речки стоял кордон лесной охраны. Здесь был перекресток двух дорог. Большой бревенчатый дом под тесовой крышей, забор и надворные постройки были сделаны добротно, капитально, на долгие годы. Бревна и доски «загорели» и были много темнее, чем сосны кругом кордона. Лесника дома не было. Пожилая хозяйка засуежилась:

– Степан с утра поехал лес клеймить, вот-вот должен вернуться. Не хотите ли чайку? Сейчас я сухих дров принесу и мигом блинов настряпаю!

Она схватила веревку.

– Где дрова-то у вас? – спросил я.

– На берегу. Говорю, говорю мужу, чтобы подвез в ограду, а ему все недосуг. Бот за сухими и бегаю каждый раз!

– Давайте веревку, я схожу и принесу вязанку, – остановил я хозяйку.

Вместе с Бекасом мы пошли на берег речки.

– На, неси! – приказал я собаке и бросил веревку.

Бекас послушно понес веревку, то и дело наступая на конец. Но около поленницы на берегу собаку ждало испытание: из-под дров неожиданно выскочил здоровенный заяц-беляк и помчался берегом. Вся дрессировка была мгновенно забыта сеттером. Бросив веревку, он помчался за беляком, отставая с каждым прыжком.

– Бекас, назад, назад! – закричал я.

До сознания собаки долетели мои крики и свист, а может быть, она поняла безнадежность погони. Возвращение ее было унижительно. Бекас с поджатым хвостом подполз к моим ногам, отчетливо сознавая свою вину.

– Это что такое? Нельзя зайцев гонять, ты не гончая! Нельзя, нельзя! – как можно строже прикрикнул я на собаку, поднял веревку и легонько ударил провинившегося сеттера. А он повалился на спину и поднял заднюю ногу.

Бросив веревку, я долго рылся в сосновых дровах, выискивая смолистые поленья, пахнущие бором. Набрав дров, протянул руку к веревке, но ее не было. Я удивленно оглянулся: Бекас в сторонке закапывал веревку в землю! Пока я выбирал дрова, он вырыл ямку, положил туда предмет своего наказания и носом старательно забросал землей. Это так поразило меня, что я стоял и смотрел, ожидая, чем это кончится. Бекас «похоронил» веревку и весело подбежал ко мне, виляя хвостом и радостно глядя в глаза. Весь его вид говорил, то он сделал нужное дело для нас обоих, избавив от ненавистной веревки.

Я наклонился и погладил собаку – ведь это было явное проявление зачатка разумной деятельности.

Второму помощнику лесничего Паникаровскому привезли из города на телеге мотоциклет. Эти заграничные машины стали появляться в продаже раньше автомобилей, а велосипеды еще раньше: Рига выпускала велосипеды марки «Россия» по 70 рублей.

Все вечера после работы во дворе у Паникаровского грохотал мотор. (Тогда глушителей звука не было на выхлопных трубах). Все щели в заборе были облеплены мальчишками.

В воскресенье в сельской церкви шла служба. Наконец забубнил самый крупный колокол и народ повалил из церкви. Одетые по-праздничному жители Бобровки, крестьясь, не спеша выходили из церкви. На некоторых модниках были на ногах новые, блестящие галоши – тогда они в деревнях считались роскошью.

Вдруг раздался грохот – на площадь перед церковью выехал полным ходом Паникаровский, круто свернул, едва не упав, и заносился по площади кругом церкви. Толпа замерла на месте. Слух в деревне был, что помощнику лесничего привезли заводной самокат, но все увидели его впервые. Многие даже испугались:

– Чур меня, чур! – испуганно крестились хозяйки моей квартиры.

- Страм-то какой – замес-то коня...
- Убьется господин помощник, однако...
- Наоборот, мужики и парни с одобрительным восхищением переговаривались:
- Вот здорово!
- Аж, пыль за ем, как за тройкой!
- На коню не догонишь и на вершной!
- Нашлись и критики с седыми бородами:
- Грохоту шибко много!
- А вонь-то распустил – страсть!

Помощник лесничего в форменной фуражке с эмблемой царской короны все носился кругами по площади. Даже лихо козырнул старосте. Но вскоре лицо его стало серьезным. То и дело он отпускал одну руку от руля, шарил ею в моторе и опять порывисто хватался за руль обеими руками, едва удержав равновесие.

Толпа стихла. Раздались возгласы:

- Зауросил ён у ево, однако?
- Кнутом не поможешь.
- Это он форсит просто, увлекает...
- В это время истошный крик перекрыл грохот мотоцикла:
- Мужики... остановить не могу!
- Стало все ясно, и староста немедленно принял решение:
- Чаво, мужики, смотрите? Имайте их благородие!
- Сам имай – ён стопчет!
- Невод сымайте с плетня, хоть и мокрый еще – им, неводом, имайте!

Как только мотоциклист промчался по кругу мимо крыльца церкви, на земле проворно разложили невод и подняли. Паникаровский с грохотом влетел в невод и так дернул, что мужики попадали, а сам упал вместе с мотоциклом. Машина бешено крутила задним колесом пока не намотала на себя невод, поперхнулась и заглохла. Все обошлось благополучно.

С 1910 года в Барнауле начали появляться первые лодочные моторы. По Оби застучали и забегали моторные лодки – раньше автомашин на берегах. Наш сосед по заимке, богатый купец Федулов, купил прицепной мотор и предложил свозить нас на охоту.

Мы погрузили мотор на пароход и поплыли вверх по Оби. На первой пристани у села Рассказиха наняли лодку. Но она была с острой кормой. Однако Федулов прикрепил мотор сбоку в самом конце лодки. Мы погрузились и с интересом смотрели за уверенной работой соседа, ничего не понимая в технике.

Вдруг мотор взревел. Лошадь рыбака на пристани порвала повод и умчалась, громахая телегой. Мальчишки на берегу в восторге закричали. Рыбаки с изумлением смотрели нам вслед. Один даже снял картуз. А мы плавно понеслись вверх по реке гораздо быстрее, чем на пароходу!

Из-за дождливой погоды охоты у нас не получилось. Но возвращение было похоже на триумфальное шествие: рыбаки упросили нас взять на буксир три лодки. Вниз по воде мы понеслись с небывалой для рыбаков скоростью. Они в восторге махали шапками. Был воскресный день. На пристани с утра собралась толпа и ждала нашего возвращения. И оно благополучно состоялось! Вскоре из Бийска подошел пароход «Алтаец», и через два часа мы были в Барнауле.

Это первое знакомство с техникой запомнилось на всю жизнь.

Один предприимчивый человек сразу нашел практическое применение новой технике. Построил лодку, поставил на ней стационарный двигатель и начал делать на ней регулярные рейсы от пристани до села Бобровка. В пассажирах недостатка не было. Десяток дачников

усаживались в лодку с надписью на носу «Зина» и через два часа оказывались в Бобровке. Обрато «Зина» привозила за час.

Чудесный ароматный бор на берегу Оби летом привлекал из города Барнаула много дачников к нам в Бобровку. Вечерами молодежь собиралась около реки: пели, играли в мяч, жгли костры. На воскресенье из города к дачникам приезжали гости.

Однажды мы сговорились пойти в лес за грибами. Было солнечное воскресное утро. Погода обещала быть чудесной. Дорогу до большого лесного озера прошли незаметно. Беспричинно веселились, как это бывает в восемнадцать-двадцать лет. Я захватил с собой ружье и свою собаку Бекаса, рассчитывая пострелять на озере уток, пока другие ищут грибы.

Договорились собраться на берегу к трем часам и разошлись.

Озеро было мелкое. Самое глубокое место по пояс, Затопленные тальники и черемухи стояли «по колено» в воде. Запах соснового леса наполнял воздух. Над озером кружились ласточки и реяли стрекозы.

Утки держались в затопленной траве около берега. Подпускали близко, и выстрелы гремели один за другим.

Между тем солнце поднялось высоко. Сделалось жарко. Захотелось пить. Но мутная болотная вода не давала сделать хотя бы один глоток. Пять тяжелых кряковых уток висели у меня на поясе и плыли за мной, когда я брел по пояс в воде, а на мелком месте тянули вниз. Бекас бегал впереди или плыл за мной, где было глубоко.

Далеко на берегу поднялась струйка дыма. Это вернулись грибники и начали кипятить чай. Пора было возвращаться. Я повесил ружье на сучок затопленного куста. Умылся, стараясь, чтобы вода не попала в рот. Связал уток за шейки и побрел к берегу. Тщеславие молодости рисовало в воображении, как я скину около костра эту тяжелую связку дичи, а девушки будут восторгаться.

При первых же шагах по берегу у меня отвязалась одна утка и упала в траву. Я остановился, поднял ее и подвязал к общей связке. Затем подошел к первой сосне, сбросил уток и начал раздеваться. Мокрая одежда на ярком летнем солнце сохла быстро. Приятная истома после тяжелой ходьбы на озере овладела мной, и я задремал.

Проснулся я от крика. Звонкий девичий голос разнесся над озером, где дымил костер:

– Эй, охотник, идите чай пить, где вы там?!

– Иду, и не с пустыми руками!

Одеться во все сухое было делом нескольких минут. Я поднял вязанку с утками и оглянулся, чтобы взять ружье. Но его не было!

Утки упали на землю. Я оторопело стоял и старался вспомнить, где я положил ружье. Около меня его не было, а от сосны я не отходил. Наконец меня осенило: да ведь я повесил ружье на сучок на озере, а снимал ли я его – не припоминалось.

Обрадованный, я побрел обратно и снова вымок до пояса.

Вот и куст, где я повесил ружье, но его не было. Ничего не понимая, я вернулся к сосне.

– Где вы там? Ждем только вас! – опять разнеслось над озером.

– Иду! – крикнул я далеко не так радостно, как в первый раз. Явиться с охоты без ружья – это было свыше моих сил, какой позор! Жара и усталость от нескольких часов ходьбы по вязкому дну по пояс в воде вымотали мои силы и вышибли из памяти, где я в последний раз держал ружье в руках!

Не упало ли ружье в воду под сучком? – мелькнула догадка и я снова побрел к кусту, шарил ногами и руками в вязком дне, но без толку. Перепачканный и теперь весь мокрый, я стоял совершенно растерянный. А со стороны костра доносились взрывы веселого смеха: там пили чай, не дождавись меня.

«Скажу, что мимо проезжал объездчик и я с ним отправил ружье и уток, чтобы не тащить на себе по жару», – решил я и побрел к берегу.

«А что, если пока я спал, кто-то из ребят возвращался мимо с грибами и нарочно спрятал ружье? Конечно, это могли сделать только те двое приезжих студентов. Но это им даром не пройдет!» Кипя от негодования, я мысленно разговаривал в самых резких тонах, пробираясь к берегу.

Бекас бросился вперед, выскочил на берег, свернул немного в сторону и, что-то понюхав, побежал к сосне, где лежали утки.

Как молния у меня вдруг блеснула догадка – я вспомнил, что ведь именно там положил ружье на землю, когда поднял и подвязывал утку...

НАЧАЛО БОЛЬШИХ СОБЫТИЙ

В конце лета началась усиленная работа по отводу лесосек. Я неделями жил в лесу с объездчиками. Лишь вечерами иногда удавалось сходить на охоту, но в бору, где с утра до ночи стучали топоры, дичи было мало. Только раз мне посчастливилось убить глухаря.

Летом отец снял копии с моего аттестата, заверил у нотариуса и послал от моего имени в пять высших учебных заведений – в Петербург, Москву, Киев и другие города. Вскоре из четырех городов пришли ответы. «Господин Зверев, вы зачислены в студенты. Пришлите подлинный аттестат и 50 рублей платы за первое полугодие». Только из Лесного института в Петербурге, единственного на всю Россию, написали, что сообщат о приеме осенью, после конкурса аттестатов.

В то время легче было поступить в институт или университет, чем в первый класс гимназии или реального училища, куда требовалась сдача двух экзаменов – по русскому и арифметике.

Осенью я уволился из лесничества и приехал на заимку. В первый же вечер на семейном совете встал вопрос, в какой мне город ехать? Отец сказал:

– Как назло, в Лесной институт, куда тебе больше всего хотелось, конкурс аттестатов, а значит, нечего и ждать твоего зачисления туда, ведь у тебя в аттестате больше троек, чем четверок и пятерок вместе взятых. Поезжай-ка, батенька, в Москву на экономический факультет Политехнического института. Там плохому не научишься. Плановики нужны везде и всюду. На днях в Москву едет подруга твоей крестной матери, перебравшейся в Москву. С ней и поедешь. Александра Васильевна, преподаватель балетной школы, отдыхала в Барнауле у родственников. Я пошлю телеграмму, чтобы твоя крестная мать сияла тебе комнату.

На этом и порешили. Так просто была выбрана для меня будущая профессия. Мне тогда было все равно, кем быть, раз нельзя получить высшее лесное образование.

В 1916 году у нас было уже открыто железнодорожное движение, но мы решили до Новониколаевска ехать на пароходе.

Вскоре сборы были закончены. Присели перед дальней дорогой. Провожая до пристани, мать с грустью смотрела на меня. Ведь я ехал в чужой город, в непривычную обстановку, но время требовало, без знаний нельзя было идти дальше, в большую жизнь...

В Новониколаевске я был в 1907 году вместе с отцом. Тогда это был небольшой поселок при станции, недалеко от которого начинался густой сосновый бор. Сейчас, в шестнадцатом году, поселок превратился в уездный город, шумное движение по сибирской магистрали содействовало его быстрому росту.

В Новониколаевске на станции пересели в поезд. Ехали через Екатеринбург, Вятку и на шестой день прибыли в белокаменную.

Александра Васильевна, поправив шляпку, привычным к учебным командам в балетной школе голосом сказала:

– Собирайтесь, мальчик. Мы уже дома!

– У меня все готово, – ответил я, почти испуганно глядя на свой сверхскромный багаж и тусок с клубничным вареньем.

Вечерняя Москва была наполнена колокольным звоном. Площадь, на которой мы оказались, была большой и шумной. Вдоль нее цепочкой вытянулись извозчики, чуть дальше – лихачи на рысаках. У них упряжь, кучер и сама коляска имели праздничный вид. На породистой лошади сидел верхом тучный городской в белых перчатках, с шашкой на боку и револьвером в кобуре. И тут же, посреди площади, в сторону Мясницких ворот гремели два красных трамвая, пришедшие на смену отжившим конкам.

– Как вы хотите: на извозчике или на трамвае?

– На лошадях мы и у себя накатались вдоволь, – ответил я, – а вот на трамвае мне ни разу не доводилось ездить.

Билет стоил пять копеек. Трамвай дребезжал и позванивал, вдоль вагона были лавки для пассажиров.

Сошли мы там, где заканчивалось кольцо «А», почти у самой Москвы-реки.

После маленьких деревянных церквушек Сибири величественное здание храма Христа Спасителя, построенного в честь нашей победы над Наполеоном в 1812 году, выглядело весьма внушительно даже издали. Храм создавали лучшие архитекторы и художники, такие, как Суриков и Васнецов. Над городом возвышалось пять золотых шлемов-куполов. Многочисленные скульптурные композиции украшали фриз. Там были воины, крестьяне, солдаты, партизаны, представители многих наших народов, воевавших с армиями, вторгшимися к нам в 1812 году. Эти скульптуры из песчаника поражали своей пластикой, многообразием, выразительностью. Перед храмом возвышалась неуклюжая фигура сидящего на троне царя. Вокруг барыни прогуливали собачек.

Александра Васильевна повела меня в Леской переулочек. Там, в пятиэтажном сером доме, была снята комната, маленькая, в одно окно, выходящее во двор, где старушки в беседке пили чай из медного самовара.

Александра Васильевна уехала. Я остался один. «Прямо из леса – и в Лесной переулочек, – думал я. – И надо же было снять для меня комнату именно в этом переулочке. Даже здесь судьба связывает меня с лесом».

На другой день я поехал на трамвае в Замоскворечье, на Серпуховку, нашел трёхэтажное массивное здание института, внес плату за первое полугодие, сдал подлинник аттестата и был зачислен студентом первого курса экономического факультета. Конечно, изучать повадки птиц и зверей, душу леса, свойство каждого дерева было намного интересней, но что поделаешь – так подсказал отец, а он умел видеть намного дальше. Впрочем, часто ведь бывает в жизни, что сын выбирает профессию отца.

Первая лекция... Все студенты-первокурсники собрались в институт задолго до начала. Вдруг к подъезду подкатила сверкающая черным лаком коляска. В ней небрежно развалился на мягких сиденьях молодой человек – в фуражке нашего института и в пальто на белой атласной подкладке. Он лениво поднялся по лестнице, и его сразу обступило несколько студентов старших курсов. В тоне, которым они заговорили с ним, было что-то заискивающее...

– Кто это? – спросил я у стоящего рядом студента москвича.

– Это белоподкладник.

– Не понимаю...

– Сын купца-миллионера. Он на лекциях не бывает, экзамены не держит, а нанимает бедных студентов. Видишь, как они наперебой выпрашивают у него зачетную книжку, чтобы сдать за него экзамен. Ведь фотокарточки на зачетке нет, студентов много, разве профессор всех запомнит?..

Звонок – и все студенты отправились в аудиторию.

Первую лекцию читал профессор богословия. Он поразил всех, начав ее блестящей декламацией стихотворения «Белеет парус одинокий...» и далее – ни слова о боге. Суть лекции неожиданно свелась к наставлению блюсти верноподданнические чувства к престолу и к порицанию студенческих бунтарств...

Начались занятия. Нагрузка на плечи студентов ложилась большая. Все свободное время я проводил в библиотеке, чтобы не отстать от товарищей. Но вот однажды направляясь утром в институт, я увидел толпу около объявления, висевшего на заборе. Я тоже остановился и прочел: «Мы, божею милостью, император Николай II Самодержец Всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и пр. и пр. повелеть соизволили... призвать на военную службу единственных сыновей родителей...»

И вот вместо аудитории через два дня – Московское Алексеевское военное училище! Комната в Лесном переулке уплыла в прошлое. Я жил в казарме, носил форму и постигал уставы вместе с прочей воинской премудростью.

В ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ

Училище было одно из старейших в России, со своими традициями, порой противоречившими здравому смыслу. До присяги нас презрительно звали «прикомандированными». Одеты мы были в старые застиранные гимнастерки, резко отличаясь от нарядных юнкеров. Их отношение к нам я ощутил в первую же ночь.

В десять вечера прозвучал отбой. Измученные за день, мы бросились в постели. Сон наступил мгновенно, едва голова коснулась подушки. Вдруг меня кто-то разбудил пинком. Не успел я разобраться, в чем дело, как увидел перед собой здорового юнкера с рыжими усиками. Он приказал вести его на загорбке в туалет, а когда я вздумал было сопротивляться, так огрел, что я на секунду перестал соображать. Пришлось подчиниться. Я отвез юнкера, подождал у дверей, а потом тем же путем, по длинному каменному коридору, доставил его обратно. В благодарность юнкер отвесил еще пинок и завалился на свою кровать.

«И это будущие офицеры», – думал я, едва веря себе.

Так день за днем знакомился я с обычаями старейшего училища...

Возить на себе юнкеров по ночам было не особенно приятным занятием, но как восстать против этого там, где царит право сильного? Другие, скрепя сердце, делали то же самое, с нетерпением ожидая, когда прикомандированных будут переводить в юнкера.

Железная дисциплина и необычность обстановки тяжело переносилась недавними студентами, внезапно брошенными в казармы военного училища с четырехлетним сроком обучения. Но война внесла свои поправки – и вместо четырех лет офицеров «делали» за четыре месяца! Слишком велики были потери на фронтах.

Издевательства юнкеров над прикомандированными, в большинстве студентами-москвичами, не пресекались начальством. Вскоре то один, то другой, не выдержав, подавали рапорты с просьбой об отчислении из училища. Таких отправляли рядовыми в действующую армию. Хотя и с трудом, но я все переносил; вероятно, по сравнению с москвичами, сказала сибирская выносливость и закалка. Больше всего меня удручала необходимость ежесекундной собранности. Даже на обед, завтрак и ужин нас гоняли строем. Около накрытых столов мы вытягивались по стойке «мирно», каждый напротив двух тарелок – с кашей и супом. Дежурный по училищу офицер неторопливо проходил вдоль столов, проверяя, всем ли налито одинаково, правильно ли накрыты столы. А мы ждали, глотая слюнки, боясь пошевелиться. Наконец команда:

– Садись!

Поспешный грохот ложек – и тарелки пустели. Чай из огромных чайников, заваренный с сахаром, наливали сами. Снова команда:

– Встать!

Все замирали возле опустевших тарелок. Офицер опять проходил мимо столов, проверял, все ли съели свои порции. Опять команда – и мы строем шагали по своим ротам.

При встрече с командиром роты или комбатом требовалось за четыре шага встать во фронт – остановиться лицом к начальству с опущенными по швам руками или отдавая честь, если ты в фуражке. При этом надо было «есть глазами» начальника. Когда он проходил мимо, делался резкий поворот, и с левой ноги, громко топнув, можно было идти дальше. Каждое утро фельдфебель дрессировал нас, обучая во всех деталях этому «искусству» лихо встать во фронт.

Все дни проходили в тяжелых строевых занятиях. Вечерами мы сидели за партами в классах, изучая военные науки. Особенно тяжелы были уроки по артиллерии. Старичок-подполковник так монотонно читал, что глаза слипались, а вместо того, чтобы закончить в 9 вечера, он задерживал нас до полдесятого. Его уроки были похожи на пытку!

Соседями по койке у меня были Зацепин, сын московского миллионера, и кавказский князь Графани.

– Завтра что у нас сутра? – спросил меня Зацепин перед сном.

– Два часа конных учений.

– Слушай, Максим, – сразу оживился Зацепин, – поезди за меня, пожалуйста, а то все тело болит после верховой езды. Я ведь лошадей только из коляски видел!

– С удовольствием! – ответил я. – У меня свой конь был на заимке, и я привык ездить верхом чуть ли не с пеленок. Но ты за меня на занятиях с противогазом побудешь?

– Согласен!

У Зацепина был типичный вид раскормленного барчука. Малоподвижная жизнь, излишества сделали его ленивым и неповоротливым. Ему очень хотелось стать офицером, но вряд ли он нашел бы в себе сил долго оставаться в прикомандированных. А взятие барьера на быстром скаку коня каждый раз для него кончалось грузным падением на землю.

Так я ездил за нескольких купеческих сынков, а они отдувались за меня на занятиях с противогазами.

У нас и в соседних ротах обучалось несколько сыновей казаков. По окончании пехотного училища их должны были направить в казачьи полки. Поэтому, кроме обычных наших кавалерийских занятий, их учили еще дополнительно на так называемых кратких кавалерийских курсах. Ротмистр, преподававший в училище, обратил внимание на мои способности в верховой езде и тоже зачислил меня на курсы.

Однажды ровно в полночь все училище проснулось – горнисты трубили подъем. В казармах загорелся свет.

– Прикомандированные, встать! – раздалась команда дежурного офицера.

Роты строились – в одном белье, в сапогах на босую ногу.

– Набросить одеяла!

Наша пятая рота с накинутыми на плечи одеялами обратилась в испанцев.

Соседняя шестая надела парадные кивера, оставаясь в одном белье. И точно так же каждая рота обоих батальонов оделась в свой маскарадный костюм, заранее известный старшим юнкерам и полученный по «наследству» от предыдущих поколений.

– Радуйтесь, шляпы, завтра присяга! – крикнул нам пробежавший юнкер, а мы стояли, ничего спросонья не понимая.

Училище построили четырехугольником в гимнастическом манеже. Дежурный офицер наблюдал с балкона за этим представлением в канун присяги. Оно называлось «Похороны шпака». Такова была старая традиция этого училища, война не изменила ее.

В центре манежа возвышался сколоченный ночью деревянный помост. На нем лежало чучело штатского человека в черном костюме, ботинках, в белом крахмальном воротничке с галстуком «бабочкой» и в шляпе.

– Что это происходит? – шепотом спросил меня Зацепин.

– Сам удивляюсь! – прошептал я, но ведь дежурный офицер смотрит на все спокойно, значит с ведома начальства, а не самочинно!

– Батальоны, смирно!

Все восемь рот замерли без движения.

На помост поднялся юнкер-выпускник. В гробовой тишине он начал читать наизусть стихи, которые с прошлого века передавались от одного поколения юнкеров к другому. Они были примитивные, грубые, но читались с жаром. Стихи заклинали прикомандированных с завтрашнего дня проникнуться военным духом, соблюдать свято военные традиции, отречься от всего штатского. Не дай бог теперь сказать «да» или «нет» вместо «так точно», «никак нет»! В театре офицеру полагалось сидеть не дальше седьмого ряда. А пока не погаснет свет, нужно было стоять около своего стула из уважения к императору, который мог присутствовать

в театре. Хотя этого явно не могло случиться в провинциальных городах, но так полагалось! И было множество других неписанных военных традиций, не предусмотренных никакими уставами.

Наконец, юнкер закончил свои стихотворные заклинания. На какой-то миг воцарилась тишина – и вдруг ударили барабаны, взятые из оркестра училища. С криками «ура» старые юнкера вскочили на помост и шашками лихо изрубили чучело штатского.

Куски чучела «шпака» сбросили с помоста пинками. Мы смотрели на «останки» штатского с тайным сожалением – это был последний день прикомандированных. С утра нас ожидала жизнь по новому регламенту. А пока мы ничем не отличались от солдат, разве что, обращаясь к офицерам, называли их по чинам — «господин прапорщик» или «господин поручик», а не «Ваше благородие».

Роты развели по казармам. Я долго не мог уснуть. Неужели с завтрашнего утра мы на всю жизнь обречены стать военными? А как же лес, лесной институт?.. Но у всех на тумбочках около кроватей уже лежали суконные гимнастерки с яркими погонами и прочее юнкерское обмундирование...

После присяги мы почувствовали, что офицерские погоны у нас почти на плечах.

– Постараюсь в интенданты попасть, – мечтал Зацепин, лениво развалился на кровати вечером перед сном.

– Дурак! Нас же в строевые офицеры готовили, а не в интенданты, – оборвал его князь Графани.

– А знакомства для чего, ваше сиятельство? У моего батюшки друзей ой-ой! Может, и вам обоим помочь?

– Замолчи, купчина! – повернулся к нему спиной Графани.

– От своей судьбы не убежишь! – заметил кто-то на соседней кровати. Свет погас, и разговоры прекратились.

Завтра первый отпуск на воскресенье в город.

– Ты куда пойдешь? – спросил Зацепин.

– Право, не знаю, – ответил я. – У меня в Москве крестная мать живет. Наверное, к ней. Буду ходить по улицам, зайду в зоопарк.

– Я приглашаю тебя к нам. Моя матушка хочет посмотреть, каков мой товарищ-сибиряк, любитель зверей и птиц. Москвичи ведь уверены, что в Сибири по городам медведи ходят.

– Спать, дежурный идет, – тревожным полусепотом произнес дневальный.

Я лежал на спине, мысленно стараясь представить, что будет, когда нас произведут в прапорщики и отправят на фронт. Куда, зачем? Война продолжается уже два года. Кому она нужна? Вспоминался отец. Наверно, сидит сейчас на своей заимке, пьет с мамой чай и обсуждает разные хозяйственные вопросы. А может быть, ходит вдоль берега Оби с Григорием Ильичом? Отец много знает. Цифры статистики рассказывают ему о жизни разных слоев населения. Он словно разговаривает с ними, как со старыми друзьями... Вдруг я почувствовал истинный смысл цифр. Цифры потерь – это гора мертвых людей, и рядом – цифра доходов купцов, заводчиков и фабрикантов. Море водки, выпитой народом с горя, превращалось в груды золотых рублей – на водке наживалось правительство, торгаши...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.